

№10
Октябрь 2017

РУССКИЙ КЛУБ

ПРОШЛОЕ ЖИВЕТ
В ВОСПОМИНАНИЯХ...
С. 42

Мир без преград

*Банк ВТБ – Генеральный спонсор
Московского Международного
Кинофестиваля*

8 (800) 200–77–99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№10⁽¹⁴⁴⁾
Октябрь 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ГРУЗИНСКИЕ ЗВЕНЬЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 11 «ЭТО Я, ПОЧТАЛЬОН ПЕЧКИН!»
НИНА ШАДУРИ
- 13 МОЛОДЕЖЬ СТРОИТ БУДУЩЕЕ
- 14 25 ЛЕТ – ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ
- 15 АКТРИСА, ПРОДЮСЕР, ПЕВИЦА, ПЕДАГОГ...
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 26 Я СОЗДАЮ НАСТОЯЩИЙ ТЕАТР!
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 31 СТИХОТВОРЕНИЯ
ЛЕОНИД ДЖАХАЯ
- 32 СТОЛЕТИЕ МАСТЕРА
АННА НЕВЕРОВА
- 34 ЮНОШИ НАВЕКИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 38 ФУТБОЛЬНЫЙ ТАЛАНТ
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 41 СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ
НАТАЛИЯ ТАМАМШЕВА
- 42 ПРОШЛОЕ ЖИВЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ...
МЕДЕЯ АБАШИДЗЕ
- 48 ГОД МЕЧТАНИЙ
АЛЕН ФОНТАН
- 51 ОН ОСТАВИЛ НАМ СВОЙ ДИВНЫЙ ГОЛОС И – ЧАСТИЦУ ДУШИ
ИРИНА ШЕЛИЯ
- 54 ПРОЩАНИЕ С ВАЛЕНТИНОМ НИКИТИНЫМ
ИРМА РАТИАНИ

На обложке – Тбилисoba – 2017

Фото **Александра Сватикова**

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ РИЧАРД

В нынешние осенние дни, когда в московском Вахтанговском театре с триумфом прошла премьера трагедии Шекспира «Ричарда III» в постановке нашего блестящего режиссера Автандила Варсимашвили, произошло любопытное совпадение – исполнилось 565 лет историческому прототипу главного злодея – настоящему королю Ричарду. Случайно это произошло или нет – не важно, но получилось забавно. Вообще-то у этого монарха сложилась очень плохая репутация. И постарались в этом Томас Мор и Шекспир. Страшный старый горбун, злобный, как демон из преисподней, убивает одного конкурента на трон за другим. Он приказал задушить юных племянников, казнил кузенов, всяких ненадежных, по его мнению, союзников, и, наконец, злодей отравил собственную жену. И когда он в конце трагедии трусливо сулит «корону за коня» и погибает, зрители облегченно вздыхают – зло наказано. Так вот, Шекспир приврал – не был Ричард ни горбатым – только не-

большой сколиоз, ни старым – в момент гибели ему было только 33. Не был он, скорее всего, и особенно жестоким. Правда, по мнению историков, королем он был посредственным. Но никакой жены все-таки не убивал, а горько ее оплакивал. Да и племянников в Тауэре, скорее всего, не душил. А в своем последнем сражении при Босворте вообще вел себя как храбрец. И не малодушничал, а погиб в схватке, пытаясь добраться до своего противника – Генриха Тюдора. Ричард с горсткой рыцарей пробился к его ставке и лично зарубил знаменосца, но сам был выбит из седла, потерял шлем и погиб от удара булавой по голове. И последними словами его были не про коня и про корону, а «Измена! Измена!» Что же до Шекспира, то он был сторонником узурпаторов Тюдоров, и всех их врагов выводил в своих хрониках негодьями. Это как Дюма превратил великого политика кардинала Ришелье в коварного и мелкого интригана, а все читатели поверили. Великая сила искусства!

ВПЕРВЫЕ В РОССИИ – СПЕКТАКЛЬ И ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ

Итак: 345 лет назад, а точнее 27 октября 1672 года в Комедийной хоромине подмосковного дворца царя Алексея Михайловича в селе Преображенском состоялся спектакль с длинным названием «Комедия, как Артаксеркс велел повесить Амана по царицыну челобитью и Мардохеину наученью». Актеры были набраны из находящейся неподалеку Немецкой слободы. Это куда через полтора десятка лет будет любить наведываться за европейской культурой сынок царя Тишайшего будущий царь Петр Великий. Режиссером театрального действия был тамошний лютеранский пастор Яган Григорьев, или Йоганн

Готфрид Грегори. Запомните это имя для прикола – он ведь как ни крути основоположник русского театра. Спектакль шел аж десять часов! И к тому же, на немецком языке. Правда, периодически делались антракты, в которых русским зрителям переводили, о чем действие. И ничего страшного, мы и сейчас в опере читаем программку, чтобы понять, о чем поют певцы по-итальянски или по-немецки. А тогда это было в новинку, по-сему театр совместили с банкетом, чтобы публика не оголодала. Бедные артисты! Но августейший зритель остался довольным, обласкал артистов и одарил режиссера невероятным гонораром в «четыре соболя по сто рублей». Кстати, при царе Федоре – старшем брате Петра Комедийную хоромину

разобрали как «богомерзкий вертеп».

А 120 лет назад в Питере состоялся первый, официально зарегистрированный футбольный матч. Погостим осенним днем 24 октября 1897 года на плацу Первого Кадетского корпуса встретились две команды – ВОФ (Василеостровского общества футболистов) и СПОРТ (Кружка любителей спорта КЛС). Василеостровцы победили со счетом 6:0. Вдвойне обидно было проиграть, по сути, гастарбайтерам – ведь среди победителей были сплошь англичане. Это были моряки, рабочие-металлисты с питерских заводов и инженеры, приехавшие в Россию по контракту. А в СПОРТе были все больше гимназисты старших классов со студентами, кадеты с преподавателями-офицерами, да лихие мастера из соседнего трамвайного депо. Русские яростно сражались, но англичане были техничнее и сыграннее.

Если честно, то именно они-то первыми в России и начали играть в футбол за шесть лет до этого исторического события. Но привносимое из-за границы крепко пускало корни. Уже через два года число команд только в Питере выросло до нескольких десятков.

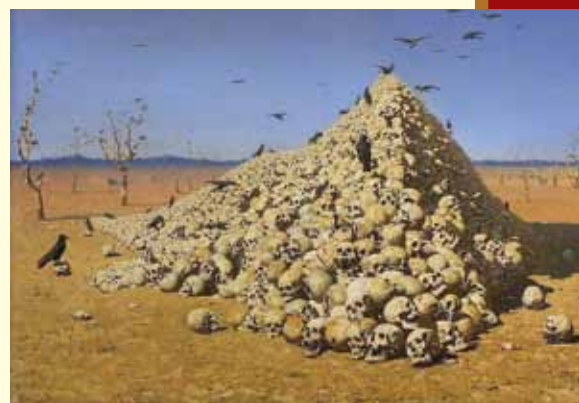
АХ, КАКУЮ ЖИЗНЬ ПРОЖИЛ НАШ БАЗИЛЬ!

Воскликнул один из парижских друзей Василия Верещагина, узнав о его гибели при взрыве броненосца «Петропавловск». Да, действительно, эта жизнь была, какую себе любой пожелает – Василий Васильевич был талантлив, творил, любил, сражался, путешествовал, растил детей, писал картины и книги, знал успех и буквально купался в славе, не пресмыкался перед владыками, был независим, смел и добр. Свободно владел французским, английским и немецким языками, а еще немало знал по-грузински, мог объясниться на персидском, таджикском, хинди, урду и испанском. Много работал и многое успел. И погиб как герой, уже не молодым, но и не дожив до глубокой старости. Словом, идеальный случай. Он родился в октябре 1842 года в старинной дворянской семье в Череповце. Его отец был местным предводителем дворянства, и всем его четверым сыновьям была уготована судьба армейской или государственной службы. Василию выпала флотская карьера. Он с блеском окончил Морской кадетский корпус и... тут же подал в отставку, чтобы заняться живописью. Родители и родня были в шоке, отец грозился лишиться довольствия, но юный гардемарин был непреклонен и решил твердо стать художником. И стал! Он немало поездил рисовальщиком в долгие экспе-

диции военных топографов. Для начала Верещагин оказался на Кавказе, где больше года прожил в Тифлисе. Много путешествовал, зарисовывая бытовые сценки и повседневную жизнь людей Грузии, Азербайджана и Армении. Но тут он получил крупное наследство от дяди, и образование можно было продолжить. Молодого человека ждал Париж и класс знаменитого художника-реалиста Жан-Леона Жерома – чуть ли не самого непримиримого противника входящих в моду импрессионистов. Верещагин работал по 15-16 часов в день без отдыха, прогулок, театров и веселых компаний. И периодически, когда ему надоело копирование классических образцов, на чем настаивал педантичный учитель, попросту уезжал в очередную экспедицию или возвращался на каникулы в Россию. И серии рисунков, привозимых им, убеждали парижского мэтра Жерома, что Базиль на самом деле даром времени не тратит. Но в 1867 году он в Париж не вернулся, а отправился на войну в Туркестан. Надел погоны прапорщика и стал служить при штабе генерала Кауфмана. Тогда он еще не знал, что такое война с ее ужасами. И Верещагин рисовал. Рисовал, буквально не выпуская оружия из рук. Он видел много крови, пожаров и отрубленных голов. Сначала у него не было антивоенных убеждений, но уже через несколько лет он напишет свою знаменитую работу «Апофеоз войны». За героическую обо-

рону самаркандской цитадели прапорщика Верещагина наградили Георгием четвертой степени, кстати, единственной наградой, которую он согласился принять и с гордостью носил. А потом были снова бесконечные поездки – Сибирь, опять Туркестан, Семиречье, западный Китай, Иссык-Куль и Тянь-Шань. И рисунки, рисунки, рисунки. А по возвращении в Питер – многодневные выставки. Были как восторги публики, так и злая критика. Было вежливое недовольство царя Александра II и грубость наследника, сказавшего: «Его тенденциозности противны национальному самолюбию, и можно по ним заключить одно: либо Верещагин скотина,

или совершенно помешанный человек». Но строгий венценосный отец его одернул: «Посиди сначала сам под пулями и не...». Василий Васильевич с ними обоими помирился на Балканской войне – под Плевной и на Шипке, которую мы теперь знаем именно по его гениальным полотнам. А потом его ждали Европа и Индия, Сирия и Палестина, Филиппины и Япония, Америка и Куба. Его бесстрашная и неугомонная душа рвалась навстречу опасностям – он легко оставлял уютную жизнь и мастерскую в Париже ли, в русской усадьбе ли, или на окраине Москвы в Нижних Котлах. Прощался с любимой семьей, с друзьями и отправлялся в очередную далекую экспедицию или на очередную войну. А однажды он не вернулся... Этому красивому, смелому и бесконечно талантливому русскому человеку 26 октября исполняется 175 лет со дня рождения.

ГРУЗИНСКИЕ ЗВЕНЬЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

«В огне умирает металл, но не отступит сталинградский солдат», – такие немудреные строки написал поэт в прифронтовой газете осенью 1942 года, и они оказались пророческими. Элитные войска вермахта дошли до Волги, но воды из реки-матушки не испили, разбомбили и сокрушили шквальным огнем Сталинград, но занять город не смогли. Ценой невероятных усилий хребет врага был сломлен в Сталинграде, историческая битва на века стала мерилем воинской славы и стойкости. 75-летие битвы на Волге человечество отмечает всем миром – именно в Сталинграде решалась судьба не только нашей страны, но и судьбы европейских стран, оккупированных гитлеровской Германией.

Сталинградская битва, в которой принимали участие и грузинские воины, продолжалась 200 дней. Она включает в себя две стратегические операции – оборонительную (17 июля – 18 ноября 1942 г.) и наступательную (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.), получившую кодовое название «Уран». В нынеш-

нем году этому историческому событию исполняется 75 лет.

Под Сталинградом летчик, капитан Н. Абрамишвили, погибая, обрушил свой горящий самолет с бомбами на немецкие склады боеприпасов и взорвал их. В небе Сталинграда сражались грузинки И. Осадзе и Т. Мелашвили, служившие в легендарном женском гвардейском авиаполку Марины Расковой.

Сотни жизней раненых бойцов и офицеров спасла гвардии майор медицинской службы Клара Хочолава. О доблести артиллериста Г. Пицхелаури газета «Правда» писала: «Когда шесть немецких танков ринулись на улицу, у орудия лежал только один оглушенный, раненный в голову Пицхелаури. Услышав лягг вражеских машин, он нашел силы подняться, зарядил орудие. Первым же выстрелом подбил головной танк, остальные открыли огонь по одинокой пушке. Осколком снаряда Пицхелаури был вторично ранен в голову, у него не было времени даже завязать рану. Танки лезли все ближе и ближе. И он снова выстрелил, и еще один

танк застыл у позиции. Затем, подпустив немцев еще ближе, он произвел еще два выстрела и подбил еще две машины».

Символом героической обороны города стал «Дом Павлова». Защитники удерживали его в течение 58 дней. Одним из защитников был грузин – Нико Мосиашвили, его имя в ряду других сохраненных историей 24 имен выгравировано на торце восстановленного дома.

1942 г. В Сталинграде идут уличные бои за каждую улицу, дом, этаж. Четырехэтажный дом, занимавший важное стратегическое положение, заняла разведывательно-штурмовая группа из четырех солдат, под началом сержанта Павлова. Вражеским танкам мешали пройти завалы руин, груды кирпичей. Фашисты наносили удары с воздуха, вели артиллерийский и минометный огонь, но занять дом так и не смогли. На третьи сутки Павлов дождался подкрепления. Под командованием старшего лейтенанта Афанасьева солдаты доставили пулеметы, противотанковые ружья (позднее – ротные минометы) и бое-

припасы. Обычный жилой дом превратился в важный опорный пункт в системе обороны всей 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Немцы атаковали по несколько раз в день, но раз за разом отступали под шквальным огнем, которым их поливали из подвала, окон и с крыши. На протяжении всей обороны дома Павлова (с 23 сентября по 25 ноября 1942 года) в его подвале пряталась группа горожан, они покинули убежище после того, как советские войска перешли в контратаку. Из 31 защитника дома Павлова погибли трое. Были ранены, но пережили войну и Павлов, и Афанасьев.

Маршал В. Чуйков написал в своих воспоминаниях о бойцах «Дома Павлова»: «Эта небольшая группа, обороняя один дом, уничтожила вражеских солдат больше, чем гитлеровцы потеряли при взятии Парижа».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА:
С 12 сентября 1942 года командующий 62-й армией В. И. Чуйков получил задачу отстоять Сталинград любой ценой. Армия под командованием В. И. Чуйкова прославилась героической шестимесячной обороной Сталинграда в уличных боях в полностью разрушенном городе, сражаясь на изолированных плацдармах, на берегу широкой Волги. В Сталинграде В. И. Чуйков вводит тактику ближнего боя. Советские и немецкие траншеи располагаются на расстоянии броска гранаты. Это затрудняет работу немецкой авиации и артиллерии, те попросту бояться попасть по своим. Несмотря на то, что превосходство Паулюса в живой силе очевидно, советские войска постоянно контратакуют, причем, преимущественно ночью. Это дает возможность отбивать оставленные днем позиции. Для Красной армии бои в Сталинграде были первыми серьезными боями в городе. С именем В. И. Чуйкова связывают и появление специальных штурмовых групп. Они первыми внезапно врываются в дома, а для перемещений использовали подзем-

Наступательная операция

ные коммуникации. Немцы не понимали, когда и, главное, откуда ждать контрудара. Позже этот опыт пригодился В. И. Чуйкову при взятии Берлина. Недаром его называли «генерал-штурм».

А. С. Чуянов, занимавший в годы войны пост председателя Сталинградского городского комитета обороны, в своих воспоминаниях называет в числе защитников «Дома Павлова» еще одного грузина – Степанашвили, и абхаза – Цугба. Отдадим и им дань воинской памяти.

На выручку войск, окруженных под Сталинградом, Гитлер бросил две крупные группировки. Советское Верховное командование на ликвидацию этих группировок двинуло части Красной армии. Под Котельниковым в боях против манштейнской группировки непревзойденное геройство проявил полк под командованием полковника М. Диасамидзе. Замечательный фронтовой очерк посвятил Н. Тихонов герою Котельниковской битвы полковнику М. Диасамидзе.

«...Тихо стелется голос лирической песни. Голоса эпоса звучат как серебряная труба. Как с черными каджами сражается с немецкими полчищами Герой Советского Союза, сын грузинского народа Диасамидзе. Искусны были герои грузинского древнего эпоса, но не уступит им Диасамидзе...

Мертвой дорогой сделал Ди-

асамидзе дорогу немецких батальонов, сожженными танками обставил ее как факелами».

В ноябре 1942 года войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, оборонявшие Сталинград, перейдя в контрнаступление, начали операцию «Уран». Верховное главнокомандование поставило задачу окружить и уничтожить более, чем 330-тысячную группировку вражеских войск. Героическую страницу вписал в наступательную операцию Сталинградской битвы выдающийся грузинский военачальник генерал-майор Николай Таризелович Таварткиладзе. Приведем отрывок из статьи В. Христофорова, написанной на основе документальных материалов Центрального архива ФСБ России о пребывании союзников, в частности, американского генерала Патрика Хэрли, на фронте в районе Сталинграда. В статье говорится, что группа генерала Хэрли следовала по пути разбитой и отступающей румынской армии, которая потеряла в Серафимовиче шесть дивизий. В штабе 51-й Гвардейской дивизии генерала Хэрли встретил почетный караул – взвод хорошо снаряженных солдат. Американцев ознакомили с результатами боевых действий дивизии. «После освобождения станицы Клетской за четыре дня боев врагу было нанесено поражение в ст. Распопинской, румыны были разбиты в ночном бою в

Владимир Нанейшвили

Селиванове и во взаимодействии с танками и кавалерией была захвачена армейская артиллерия противника в Верхней Бузиновке и аэродром в Евлампиевском. За эти действия дивизия стала Гвардейской, а ее командиру было присвоено звание генерал-майора. «Ее бойцы безрассудно отважны, неутомимы и в хорошей форме, их моральное состояние превосходно, и они жаждут воевать», – отметили в своем докладе американцы. По оценке генерала Таварткиладзе, потери дивизии незначительны. В течение наступления было уничтожено до 30 тыс. солдат противника, в основном румынских. Захвачено большое количество военнопленных», – говорится в статье.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА: Великую Отечественную войну Таварткиладзе встретил 22 июня 1941 года в должности начальника штаба 193-й стрелковой дивизии 5-й общевойсковой армии Юго-Западного фронта, которая почти полностью погибла в тяжелых оборонительных боях за Украину в сентябре

1941 года. После выхода из окружения Таварткиладзе был назначен начальником штаба 124-й стрелковой дивизии 28-й общевойсковой армии Юго-Западного фронта (1941-1942). В качестве командира 76-й (51-й гвардейской) стрелковой дивизии 21-й (6-й гвардейской) общевойсковой армии Сталинградского, Юго-Западного и Воронежского фронтов он принимал самое активное участие в Сталинградской битве и в сражении на Курской дуге. Награжден орденами Ленина, тремя Красного Знамени, Суворова II степени, Красной Звезды, медалями.

Отличились в операции «Уран» и еще два военачальника-грузина – генерал-лейтенант В. Нанейшвили, командовавший 2-й воздушной армией, и генерал-майор П. Чанчибадзе, командир 13-го гвардейского стрелкового корпуса.

Спустя всего три года после окончания войны на «Мосфильме» был создан художественно-документальный двухсерийный фильм «Сталинградская битва». Творческая группа была удостоена Сталинской премии первой степени. Среди лауреатов – заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, оператор и художник Леонид Сардионович Мамаладзе.

В 1967 году на Мамаевом кургане был воздвигнут грандиозный мемориал. В музее панорамы Сталинградской битвы среди прочей военной техники представлен и такой экспонат: 152-миллиметровая гаубица М10 образца 1937 года – советское орудие периода Второй мировой войны. Наш земляк сержант-артиллерист Степан Шалвашвили, сражавшийся на Сталинградском фронте, был наводчиком ствола именно такого орудия. К сожалению, до нынешнего юбилея исторической битвы он не дожил всего один год – ветеран скончался в возрасте 98 лет, прожив долгую жизнь и увидев правнуков.

Вот что говорит об отце, за-

щитнике Сталинграда, его дочь Додо (Элене) Шалвашвили:

– Только в последние годы жизни отец стал рассказывать о войне. Написал воспоминания, ему было важно поделиться пережитым. Как историк, он понимал всю важность событий, участником которых он был в молодости. Но он никогда не задерживался на ужасах войны, всегда старался припомнить что-нибудь веселое или поучительное.

– Как начался фронтовой путь вашего отца?

– Наша семья из села Нукриани Сигнахского района. Мой отец был старшим сыном в многодетной семье. После смерти отца, Степан взял на себя все заботы о младших детях, даже школу после четвертого класса ему пришлось оставить. Пас овец, помогал в поле. Но очень тянулся к знаниям и вернулся в школу, перепрыгнув через несколько классов, чтобы не сидеть за партой с малышами. Затем окончил педучилище в Сигнахи. В армию его не призвали как кормильца большой семьи. Но когда началась война, его сразу мобилизовали. 24 июня он собирался открыть свои чувства девушке, в которую давно был влюблен. Однако свидание не состоялось, 23 июня 1941 года ушел на фронт вместе с другими односельчанами. И моя мама – Лиза ждала своего суженого долгие пять лет. Более того, в середине войны моя бабушка привела Лизу жить в свой дом и относилась к будущей невестке, как к любимой дочери. Прошагав пол-Европы и закончив войну в Берлине, мой отец еще год отслужил в Германии, вернулся к родному очагу только через год после Победы. Тогда и сыграли свадьбу, скоро на свет родилась я, потом сестра Марина. Родители вместе работали в сельской школе. Мама преподавала в начальных классах, отец закончил исторический факультет Тбилисского педагогического института имени А.С.Пушкина, затем без малого

сорок лет проработал директором школы в Нукриани. Мы с сестрой учились в этой школе, но потом, окончив вузы и создав свои семьи, остались в Тбилиси.

– **Вы помните, что рассказывал отец о Сталинграде?**

– Чаще всего вспоминал, как по льду перешел Волгу. Лед был достаточно прочным, по нему шла не только пехота, но и легкая техника, однако плавать отец не умел, и этот переход под обстрелом был очень опасным. Отец гордился своей воинской профессией артиллериста, но прежде чем попасть в Бакинское зенитно-артиллерийское училище, он сражался на Северном Кавказе, в Керчи, в Крыму, был ранен. После окончания учебы на трехмесячных курсах в Баку он был направлен в Астрахань, затем его часть была переброшена на Сталинградское направление и участвовала в наступательной операции.

За боевую службу он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Великой Отечественной войны первой степени, медалями за героиче-

Степан Шалвашили

Дом Павлова

скую оборону Сталинграда, взятие Данцига, Берлина и др. Вот смотрите, какие грамоты времен войны у нас сохранились, – Додо протягивает пожелтевшие от времени, напечатанные на плотной бумаге грамоты в половинку тетрадного листа с изображением Сталина, такие выдавались на фронтах отличившимся бойцам.

– **Судя по фронтовой фотокарточке, Степан Шалвашили абсолютно подходит под описание Годердзи Махарашвили, сына «Отца солдата» – «Молодой, красивый».**

– Отец действительно был видным, красивым и очень открытым человеком, прирожденный тамада! Он очень любил фильм «Отец солдата». Особенно эпизод, когда старик Махарашвили останавливает танк перед виноградником.

– **Еще бы, каждый кахетинец лелеет лозу, как младенца!**

– Знаете, в нашем Нукриани почти нет виноградников – слишком высоко в горах расположено наше село. Со сторожевых башен Сигнахи видна вся Алазанская долина. А от нас вид и на Алазани, и на Сигнахи. В основном у нас разводят овец и выращивают овощи. Кстати, навыки овчара неожиданно пригодились отцу в начале войны, когда его часть какое-то

время находилась в Иране. Отец рассказывал, что их отряд однажды проходил через какую-то опустевшую деревню, и вдруг красноармейцы услышали женский крик из нищенской землянки, они вошли в лачугу и обнаружили брошенную всеми роженицу. Моему отцу не раз приходилось принимать ягнят. Он не растерялся, разыскал какие-то тряпицы и принял роды. Женщина спросила имя своего спасителя и сказала, что назовет новорожденного мальчика Степаном. Никого из знавших моего отца не удивляет, что с ним произошел на войне столь необычный случай. Он никогда не проходил мимо чужой беды.

Встреча с семьей ветерана Степана Шалвашили стала возможной благодаря помощи, которую оказал в подготовке статьи Леван Варламович Чачуа, посвятивший много лет работе с ветеранами.

– В нашей картотеке числятся и другие имена ветеранов Сталинградской битвы – Гайоз Хаташвили, Владимир Кара-

Пехота перешла в наступление

манашвили, Георгий Кистаури, Двойра Меликишвили, Шалва Туквадзе и др. Но, к сожалению, их уже нет в живых. Сегодня наша задача сохранить память об их подвигах, – говорит Леван Чачуа.

Получив два высших образования – иныза и Академии МВД СССР, Леван Чачуа занимал руководящие должности в МВД республики, является участником боев за территориальную целостность Грузии. На посту председателя Совета ветеранов Ваке-Сабурталинского района Тбилиси он заслужил прочный авторитет защитника прав ветеранов. Когда Чачуа осознал, что сможет сделать для людей больше, чем ему удастся в рамках правительственной структуры, он вместе с единомышленниками создал и возглавил неправительственную организацию – «Союз ветеранов войны и вооруженных сил Грузии», объединяющую более пяти тысяч членов. В настоящее время работает на чистом энтузиазме, хотя и надеется на помощь властей, ведь у НПО нет ни офиса, ни оргтехники. Огромный архив документов и фотографий хранится в квартире председателя. Леван Чачуа, помимо непосредственной работы с ветеранами, пишет книгу, для которой уже нашел выразительное название – «Достойные сыны Отчизны». Им уже написано примерно 800 документальных очерков. Матери-

алы своего публицистического труда Леван Варламович разделил на три раздела: ветераны Великой Отечественной, участники войн за территориальную целостность Грузии, пенсионеры и отставники вооруженных сил СССР и Грузии.

– В книгу войдут очерки и фотографии ветеранов, которые я делал на протяжении многих лет. Это целая галерея образов. Мне приходится заниматься защитой юридических прав, помогать тем, кто уже не выходит из дома, с приобретением лекарств, организовывать им медицинскую помощь и пр. Что касается наших праздничных мероприятий, то могу с гордостью сказать – в них принимают участие самые популярные деятели искусства и культуры Грузии – Кахи Кавсадзе, Гуранда Габуня, Важа Азарашвили и многие-многие другие. Наши ветераны не обделены вниманием дипломатических миссий – мы устраиваем совместные празднования великих дат, в настоящее время – Сталинградской битвы, и проводим памятные встречи совместно с посольствами Украины, Белоруссии и др. стран, – говорит Леван Чачуа.

Рассказ о том, как в Грузии чтят подвиг Сталинграда, был бы неполным без упоминания о постановке Резо Габриадзе «Песня о Волге» («Сталинградская битва») в Театре марионеток. Спектакль был поставлен

в 1996 году и покорила сердца зрителей Европы и Америки. «Сталинградская битва» – пронзительная художественная композиция, объединяющая в едином пространстве живопись, кино, поэзию, драму. Сам Резо Габриадзе о спектакле говорит следующее: «Тема Сталинградской битвы объединила в моем сознании далекие картинки из забытого детства, вдовы в черном, калеки и инвалиды, которых я повсюду видел в своем родном Кутаиси, слезы и горе моей бабушки. Все эти образы мучили меня, пока я не написал эту пьесу. Это реквием по Сталинграду». И все же, знаменитый режиссер, писатель, художник не был бы самим собой, если бы в его постановке не доминировали оптимистические ноты, его «Сталинград» в первую очередь – гимн любви, утверждение жизни.

История ветерана Сталинградской битвы Степана Шалвашвили это тоже история любви. На вопрос о реликвиях войны, хранящихся дома, Додо, не задумываясь, ответила:

– Пожалуй, все же не ордена и медали, а отцовские письма с фронта, более 150 треугольников, в которых отец писал о своей любви, о том, что обязательно вернется домой, к любимой, к матери. Эти письма моя мама хранила как святыню.

Степан Шалвашвили гордился дочерьми, Мариной, которая преподавала английский, успехами Додо, которая была депутатом Верховного Совета ГССР, принимала участие в различных международных конференциях и в составе грузинских делегаций возлагала цветы к мемориалам воинской славы в Ленинграде, в Берлине, в Париже.

Сегодня у дочери Степана Шалвашвили, как и у многих детей и внуков ветеранов той далекой и близкой войны, есть мечта – пройти в колонне «Бессмертного полка», почувствовать себя частицей великой несокрушимой силы, отстоявшей на земле мир и жизнь.

МОЛОДЕЖЬ СТРОИТ БУДУЩЕЕ

В Софии прошел Всемирный молодежный форум российских соотечественников – самое масштабное на сегодняшний день международное мероприятие, направленное на консолидацию представителей русскоязычной диаспоры в возрасте от 18 до 35 лет. Грузию на столь крупном форуме представил Михаил Гавашели. На молодом лидере лежала двойная ответственность – он представил Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова.

Для участия в форуме съехались сотни лидеров молодежных организаций соотечественников из 72 стран мира. В течение четырех дней делегаты обсуждали вопросы популяризации русского языка, образования и культуры за рубежом, а также перспективы сотрудничества соотечественников, проживающих за рубежом. Главная тема форума в текущем году – «Судьба России: вчера, сегодня, завтра». В рамках дискуссионных площадок форума Михаил Гавашели выступил в секции «Механизмы повышения эффективности распространения русской культуры, русского языка и российского образования за рубежом». Его доклад на тему «Русский театр и театральное образование в Грузии» касался проблем и успехов главного очага русской культуры в Грузии.

«95 процентов зрителей Грибоедовского театра составляют этнические грузины. Они приходят в театр не только за эстети-

ческим удовольствием, но и за тем, чтобы услышать грамотное русское слово, приобщиться к русской классике. Другого источника, кроме театра, в Грузии практически нет – русская классическая литература в национальных школах изучается в небольшом объеме, а использование русского языка в обиходной речи – минимально», – отметил в своем выступлении Михаил Гавашели.

Он также подчеркнул, что русское слово в Грузии продолжает звучать, русская культура популяризируется. Организатором всех этих проектов является Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб», который активно и плодотворно работает уже почти 15 лет.

По словам Михаила Гавашели, участие в форуме стало для него большим событием: «Мое выступление участники форума восприняли с большим интересом. Были намечены проекты по сотрудничеству с несколькими странами, в частности, с представительством Координационного Совета соотечественников Италии. Мы еще раз убедились в необходимости международного сотрудничества, и, уверен, молодежь играет в этом важном процессе огромную роль. Что же касается отношений наших стран, то Грузия и Россия связаны многими веками дружбы, любви и творческого сотрудничества, и мы не можем допустить, чтобы это можно было разрушить или потерять».

Торжественная церемония открытия состоялась в зале «Ев-

ропа» «Парка отеля Москва» в Софии. Открыла форум председатель Координационного совета организаций российских соотечественников в Болгарии Марина Дадикозян, которая поблагодарила всех партнеров и организаторов форума, приветствовала официальных гостей и делегатов. Официальные приветствия в адрес делегатов III Всемирного молодежного форума российских соотечественников «Судьба России: вчера, сегодня, завтра» были направлены от десятков государственных и

Михаил Гавашели

общественных организаций.

Программа форума включала пленарные заседания, дискуссионные площадки по актуальным темам, работу по тематическим группам и знакомство с памятными местами российской истории Болгарии и ее достопримечательностями. Участники и официальные лица возложили цветы и венки к памятникам Царю Освободителю и монументу Советской армии в Софии, а также посетили город Плевен.

С 2010 года Координационный совет российских соотечественников в Болгарии, Федерация «Союз соотечественников» и национальное общество «Вместе с Россией» ежегодно проводят в Софии Международный молодежный форум «Молодежь строит будущее». За эти годы в форуме приняли участие более 900 лидеров молодежи и председателей страновых координационных советов соотечественников из более 80 стран. Международный молодежный форум «Молодежь строит будущее» зарекомендовал себя как успешная площадка для обмена мнениями молодых российских соотечественников и председателей крупных организаций соотечественников из стран Европы, СНГ и России.

Ю. Аронова, К. Джанелидзе, И. Максимов, О. Черкасова

«ЭТО Я, ПОЧТАЛЬОН ПЕЧКИН!»

■ Нина ШАДУРИ

На свете, если задуматься, не так много вещей, которым не нужен перевод. Улыбка. Музыка. Картинка. Но есть такое удивительное явление, которое одновременно и картинка, и музыка, и улыбка. Конечно, это анимация. Попросту говоря – мультики.

Союз «Русский клуб» (наши читатели знают об этом лучше всех) всегда стремился и стремится осуществлять только те проекты, которые объединяют людей – вне зависимости от возраста, национальности или вероисповедания. Это и Международный русско-грузинский поэтический фестиваль, и Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге, и Дни Толстого в Грузии, и Международный фестиваль авторской песни, и Конкурс молодых русскоязычных литераторов Южного Кавказа... Наконец – это журнал, который вы сейчас держите в руках.

А вот проект, о котором пойдет речь, – действительно самый объединяющий из всех возможных, ведь хороший мультипликационный фильм одинаково волнует и радует каждого. Исключений просто не бывает.

В Грузии уже который год проходят два замечательных международных фестиваля анимации: «Топузи» в Батуми и «Никози» в одноименном селе в регионе Шида Картли.

Однако фестивалю именно русской анимации и именно в Тбилиси до сегодняшнего дня

не существовало.

И вот он состоялся. При поддержке Фонда «Русский мир» в знаменательный год 100-летия со дня рождения Народного артиста СССР Федора Хитрука, создателя «Ну, погоди!», и 90-летия со дня рождения Народного артиста России Вячеслава Котеночкина, автора «Винни-Пуха», с 24 по 29 сентября в столице Грузии прошла Неделя русской анимации, которую организаторы, не мудрствуя лукаво, назвали «Винни-Пух и все-все-все». Большую помощь в организации проекта «Русскому клубу» оказали Ассоциация анимационного кино России и ее исполнительный директор Ирина Мастусова, Гильдия аниматоров Грузии и ее председатель Кетеван Джанелидзе. Информационным партнером проекта выступило ИА Sputnik-Грузия.

Принять участие в Неделе анимации с российской стороны согласились лауреаты отечественных и международных фестивалей Юлия Аронова, Нина Бисярина, Иван Максимов, Оксана Черкасова и программный директор Большого фестиваля мультипликации, киновед Дина Годер. В проекте также приняли участие грузинские аниматоры и руководители студий анимации Мамука Ткешелашвили, Натия Николашвили, Сандро Катамашвили, Дато Кикнавелидзе, Ладос Сулаквелидзе, Арчил Кухианидзе, Петре Томадзе, Зураб Диасамидзе.

Мероприятия проходили на шести площадках столицы – во Дворце учащейся молодежи, ДOME кино, Кавказском доме (Центре культурных взаимосвязей), Грузинском университете театра и кино им. Шота Руставели, Тбилисском пресс-центре Sputnik и парке «Мзиури». В программу фестиваля вошли творческие встречи, открытые показы, мастер-класс, тематическая лекция, пресс-конференция.

Нина Бисярина

Пересказывать содержание мультфильмов – дело зряшное. Конечно, их надо видеть. А вот послушать самих создателей – всегда интересно. Наши гости рассказывали и рассуждали об авторской и коммерческой анимации, авторских правах и интеллектуальной собственности, воспитательном значении искусства мультипликации... И, наконец, просто делились своими впечатлениями о Тбилиси и тбилисцах.

«Я впервые в Грузии, – сказала Юлия Аронова. – Мне очень нравятся люди. Я не вижу потухших взглядов. Глаза горят у всех. На улицах – красивые лица». «Спасибо вам огромное за ваш прием, за радушие. Все волшебное, большего и желать нельзя. Разве что есть поменьше», – добавила Дина Годер. «Нам было хорошо, – призналась Оксана Черкасова. – Трудно подобрать слова, чтобы передать свои впечатления о прекрасной Грузии! Желая вашему фестивалю долгих лет жизни и высоких творческих

полетов. Хочется верить, что благодаря вашим стараниям будет процветать новое поколение грузинских аниматоров... и что впереди у вас еще будут грандиозные открытия и свершения».

Отвечая на вопрос об авторских правах, Ю. Аронова объяснила, что это «палка о двух концах и вечная проблема»: «Если фильмы будут лежать в интернете, то авторы на них ничего не смогут заработать. То есть если ты в России снял фильм, он прокатился по фестивалям в течение первого года, ты его выкладываешь в интернет и рад хотя бы тому, что его сможет посмотреть максимальное количество людей. Ты ничего не заработал, но рад, что твою картину увидели, перепостили, обсудили на форумах, что фильм живет какой-то своей жизнью. А, к примеру, во Франции обратная система – там работают авторские права, и фильмы выкладывать в сеть строго-настрого запрещено. И автор за каждый просмотр своего фильма получает процент».

«Все зависит от системы ценностей, – считает Иван Максимов. – Если надо заработать – это одна постановка задачи. Меня деньги вообще не интересуют. Я считаю, что настоящее искусство должно находиться как можно дальше от денег. То есть быть свободным и бесплатным. И никаких авторских прав. На мой взгляд, понятие интеллектуальной собственности вообще безнравственно. Если бы я был верующим, то сказал бы так: если ты талантлив – это не твоя заслуга, в тебе какая-то Божья искра. И брать за эту искру деньги – грех. Бог тебя одарил для того, чтобы ты делился».

«С рынком дело обстоит не очень хорошо, – убеждена Оксана Черкасова. – У бизнесменов свои виды, они считают, что понимают желания зрителя, потребности каких-то фокусных групп и так далее. Коммерческая анимация процветает, она поставлена на поток и контролируется рынком, прокатом. Самое хорошее время в эфире отдается фильмам, которые должны прине-

сти деньги. А наши фильмы, авторское кино показывают по телевизионным каналам поздно ночью, когда почти все уже спят. И мы друг о друге узнаем в основном на фестивалях».

«Многие авторы анимационных сериалов полагают, что как раз они могут нести воспитательную функцию, – сказал И. Максимов. – Они говорят, что каждая серия учит ребенка чему-то конкретному. Но тут есть два «но». Во-первых, если ты делаешь десять серий в год, то сделать их хорошо невозможно, просто нереально. Это будет поток, а не произведение искусства. А во-вторых, ребенок не может воспринимать то, что показывают потоком. Должен быть какой-то перл. Как в «Спокойной ночи, малыши» – там в один день показывают один мультик. Так вот, в «Спокойной ночи, малыши» любой мультик будет иметь большее значение, чем все сериалы, просмотренные за день... И еще – всегда есть альтернатива между любимым и новым. Я считаю, что новизна – опасное увлечение. Она ведет к тому, что жертвуют любимым, теряют его. Если ты строишь новый дом, то тебе надо сломать старый, любимый. Я потому и стал консерватором. Во всем. Тем более что всеобщая тенденция конца XX и начала XXI веков заключается в том, что каждый автор должен быть зачинателем чего-то нового. А это невозможно».

Кети Джанелидзе отметила, что сегодня анимацию в Грузии финансирует Национальный центр кинематографии Грузии, который выделяет на это около 60 тысяч долларов в год.

«Конечно, это очень мало, – сказала К. Джанелидзе. – Но, к счастью, у нас есть молодые аниматоры, которые любят свое дело, создают проекты, как-то вырываются, пытаются найти финансирование не только в Грузии, но и за рубежом. Хороший тому пример – первый грузино-французский авторский проект Анны Чубинидзе «Карманный человечек», который вышел в прокат во Франции. Также в Грузии работает Дато Кикнавелидзе,

который снял первый грузинский 3D-мультфильм «გეო». Таких аниматоров несколько, но они есть, и их работы трогают душу. И мы надеемся, что все будет хорошо».

О значении Недели русской анимации в Тбилиси лучше всего сказал, пожалуй, президент Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий со сцены Театрального зала Тбилисского Дворца учащейся молодежи: «Сегодня я абсолютно счастлив, потому что мы, слава Богу, не будем говорить о политике. О сложных отношениях, которые придуманы. Придуманы небольшим количеством людей. А огромное количество людей в Грузии и России этих «сложных» отношений не понимают и не принимают. И несмотря ни на что, сегодня, здесь, в этом превосходном Дворце, мы вспоминаем двух великих аниматоров – Хитрука и Котеночкина.

Кети Джанелидзе и Николай Свентицкий

Им бы тоже были непонятны сегодняшние «сложные» отношения. Они не делали кино для русских, или для грузин, или для китайцев. Они снимали свое великое кино для всех. И потому это классика мировой анимации».

Итак, праздник мультипликации в Тбилиси завершен. Но закончиться он не может. Как было сказано в одном из самых знаменитых и любимых всеми мультфильмов: «Он улетел! Но обещал вернуться!».

Нурсултан Назарбаев и Радик Батыршин

25 лет – полет нормальный!

Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» отмечает 25-летний юбилей.

Более 20 стран вещания, 140-миллионная аудитория, приоритет фактов над мнениями – межгосударственная телерадиокомпания «Мир» с 1992 года освещает жизнь в России, странах Содружества и за его пределами. Сегодня у МТРК «Мир» штаб-квартира находится в Москве и национальные филиалы и представительства – в девяти странах. Сотни журналистов, редакторов, операторов, монтажеров вот уже четверть века создают канал межнационального общения.

Председатель телерадиокомпании «Мир» **Радик Батыршин** ответил на вопросы журнала «Русский клуб».

– Радик Ирикович, в первую очередь, разрешите поздравить телерадиокомпанию «Мир» с 25-летним юбилеем. Расскажите, что представляет собой телерадиокомпания сегодня?

– Спасибо за поздравление. Действительно, Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» отмечает в этом году 25-летие, и я хотел бы напомнить, что основана она была по инициативе президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева. Сегодня МТРК «Мир» – крупная мультимедийная компания, которая объединяет телеканалы «Мир», «Мир 24», «Мир HD», радио «Мир», главный информационный ресурс Содружества

www.mir24.tv, а также сайты всех филиалов и представительств телерадиокомпании.

– МТРК «Мир» вещает в разных странах Содружества. Какими принципами вы руководствуетесь при выстраивании информационной политики?

– Во-первых, мы не избегаем острых тем, во-вторых, наш главный принцип – медицинский, «не навреди». Мы выдвигаем очень жесткие требования к объективности и не навязываем зрителю свою точку зрения. Наша задача – предоставить ему факты, а выводы пусть он сделает сам.

– Какие этапы 25-летней истории канала вы бы назвали?

– Конечно, это 1992 год: первый выход в эфир – через год после решения о создании телекомпании. Мы появились на частоте «Останкино» в виде программы «Вместе» (она, кстати, до сих пор в эфире). В 2008 году по предложению Владимира Путина, на тот момент председателя правительства России, Совет глав правительств принял решение о технологическом перевооружении «Мира», переходе на цифровые технологии. Наконец, четыре года назад мы запустили первый информационный евразийский телеканал «Мир 24» с круглосуточным вещанием. Словом, за 10 лет из канала – символа единого информационного пространства мы стали его фундаментом.

– Телеканал «Мир» вещает на русском языке, считаете ли

вы это его преимуществом?

– «Мир» – один из немногих русскоязычных каналов, который еще остался на постсоветском пространстве. Сегодня наша потенциальная аудитория составляет 140 миллионов человек, за 10 лет она выросла в 8 раз. Это позволяет сделать вывод, что вещание на русском языке востребовано, и это действительно наше преимущество.

– Эмблема телеканала – руки в дружеском рукопожатии и слоган «Невозможно оторваться»...

– Во-первых, мы, безусловно, канал дружбы народов, и это рукопожатие не разорвать, а, во-вторых, слоган говорит о том, что и от нашего канала не оторвешься. Кстати, когда мы проводили социологическое исследование, то там был вопрос: «Каким словом вы бы охарактеризовали канал «Мир»?» В ответах на первом месте было прилагательное «добрый».

– Как зритель «Мира» я заметил, что ваша «картинка» стала более яркой, броской...

– Наши креативные художники-графики – люди молодые, бесшабашные и потому успешные. Они четко понимают, что аудитория «Мира» – не тинейджеры, что «упаковка» не должна создавать ощущение второсортности. Поэтому они работают так, что каналы, входящие в ТОП-10, часто копируют наши дизайнерские решения.

– А вот однажды в вашу студию во время выпуска новостей забежала собака (ролик с черным лабрадором собрал в Интернете более 9 миллионов просмотров. – Прим. авт.)...

– В эфир попала собака нашего режиссера, которую в соседнем павильоне снимали в рекламной фотосессии. Но ведь ведущая Илона Линарт в этой ситуации ничуть не испугалась! Она девушка смелая, упорная, спортсменка и при этом красавица. Работа только в студии ее не устраивает, она постоянно рвется в командировки, недавно сделала репортаж из черномыльской зоны. На таких журналистах, которым интересно все, и держится «Мир».

Сцена из спектакля «Брачный договор»

АКТРИСА, ПРОДЮСЕР, ПЕВИЦА, ПЕДАГОГ...

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Увидев известную белорусскую актрису Веру Полякову после спектакля «Брачный договор», представленного в Тбилиси, на сцене театра киноактера имени Михаила Туманишвили минским театральным коллективом «ТриТФормат», была поражена: настолько эта интересная, яркая, креативная женщина была не похожа на свою героиню Шифру – домохозяйку средних лет, озабоченную семейными обстоятельствами. Но Веру несколько не удивила реакция журналиста – актриса привыкла к тому, что ее сценические создания, как правило, отличаются от нее самой. К тому же Поляковой нередко приходится воплощать на сцене образы немолодых женщин. И в этом она столь органична, что вызывает неизменное восхищение публики.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ

– У меня много возрастных ролей. Причем таких, какие обычно играют более опытные актрисы – бенефисные. К примеру, в Государственном театре-студии киноактера в мистической драме «Средство Макропулоса» Карела Чапека я играю Эмилию Марти, и моей героине 337 лет!

Эта роль для любой актрисы, как Гамлет – для актера. Сыграть Эмилию Марти – большая удача. А мне довелось встретиться с ней в 30 лет. Спектакль, поставленный Татьяной Троянович, идет уже 8 лет. С ним мы много гастролировали. И каждый раз после спектакля ко мне подходят зрители и выражают удивление: «Мы думали, что вам лет 60, а вы так молоды! Внутренняя подача материала такая, словно вы действительно прожили долгую жизнь». Есть в моем репертуаре спектакль «В это же время, в следующем году» Б. Слэйда. В нем шесть картин, и моя героиня проживает жизнь от 30 до 65 лет. Мне, как ни странно, легко далась эта работа.

Когда мы начинали репетиции спектакля «Брачный договор», Таня Троянович мне сказала: «Может, Шифра – это для тебя слишком?» «Нет, – возразила я. – Я ее чувствую, понимаю. Я так же забочусь о своей семье, как моя Шифра. Дома я абсолютно такая, как моя героиня: убираю, готовлю, стираю. Иногда и у меня возникает протест: «Вас три мужика в доме, а я одна!» Моему мужу (Владимир Макей – министр иностранных дел Рес-

спублики Беларусь. – И.Б.) этот спектакль понравился. На приеме с участием дипломатов разных стран он минут десять рассказывал о нашей постановке послу Израиля. Тот, посмотрев «Брачный договор», тоже очень высоко оценил нашу работу, сказал, что мы поставили лучше, чем это периодически делают в Израиле. Кстати, мы не играли евреев – для нас было важнее показать отношения между людьми, разве что добавляли интонационные акценты... Единственное – мне в Тбилиси не хватило антракта, чтобы перевести дух. В антракте актерам нужно было отдышаться, а мне пришлось петь.

– А вам не нужно было отдышаться?

– Я универсальный солдат, и это все знают. В этом проекте я не только актриса, но и... продюсер, сама продаю билеты, занимаюсь рекламой, окончила Академию управления при президенте Республики Беларусь. Перед приездом в Тбилиси получила диплом о третьем высшем образовании – экономиста-менеджера управления высшего звена при президенте. Мне не хватало экономических знаний, и за эти три года, что я училась, наш театральный проект «ТриТФормат» очень вырос, с экономической точки зрения.

Георгий Колдун и Вера Полянова

Я научилась грамотно строить нашу стратегию развития, репертуарную политику в том числе. Я ищу спонсоров, предпринимателей, готовых вложиться в театральное дело. Умею договориться. Мне даже говорят: «Никто не может реализовать билеты так, как это делаешь ты. Когда ты рассказываешь о спектакле, то, по сути, показываешь, играешь то, что увидят зрители на сцене, так что мурашки бегут по телу!» Но я очень устаю. Особенно перед премьерой. Очень сложно продавать билеты, рассчитывать, как будут сделаны декорации, сшиты костюмы и в то же время готовить роль! Я бы хотела вырастить в проекте помощника. Такая девочка есть, она администратор, и я уже переключила на нее какие-то полномочия. Она ведет инстаграмм, сайт, фейсбук. Гениально продает программки. Программку продать – это тоже большое искусство! Мы придумали неплохой маркетинговый ход: актеры расписываются на программках. И получается, что продается программа с автографами. И зритель ее уже не выбросит, ведь автографы – это частичка нашей души. Надеюсь, со временем я свою помощницу научу многому и разделю обязанности. Иначе мне будет очень тяжело. Театральное дело – это рутинная работа, которую очень трудно делать в одиночку. Мне часто говорят: «Ты всегда

ноешь, а потом в зале раз – и нет свободных мест. Все продано!» Конечно, я нервничаю, когда спектакль будет через неделю, а у меня еще билетов 200 не продано. Но когда я нервничаю, то сразу мобилизуюсь и быстро все распродаю.

ЗА БОКАЛОМ ШАМΠΑНСКОГО

– Как затевался ваш проект «ТриТформат»? Кстати, название расшифровывается как «Товарищество Театральных Трудоголиков», что тоже, думается, не случайно.

– Проект затевался за бокалом шампанского. Наверное, грузины меня поймут – некоторые вопросы решаются именно за бокалом вина. Немного предыстории. С режиссером Татьяной Михайловной Троянович в театре киноактера мы сделали вместе три спектакля. Потом она приняла решение уйти и создать что-то свое. Открыла Центр экспериментальной режиссуры при Академии искусств. Но уже была сложившаяся команда, артисты театра киноактера, которые понимают друг друга с полуслова и прекрасно находят общий язык с Троянович. Мы как семья, все знаем друг о друге. И вот Татьяна ушла, и мы поняли, что нельзя бросать наше дело, нужно продолжать совместное творчество. Однажды отдыхали в санатории «Озерный» под Гродно. А недалеко жил

председатель правления БПС-Сбербанка Беларуси. Он пригласил на бокал шампанского, мы разговорились, рассказали о нашем проекте, о том, что хотим поставить спектакль, что есть режиссер, команда – нет денег. Финансисты выразили желание поддержать нас, вложить деньги в белорусскую культуру – обычно они поддерживали гостей. И вот по возвращении в Минск мы и затеяли театральный проект «ТриТформат».

– И какова была ваша эстетическая платформа? Вы ведь ее продумали?

– Конечно, продумали. Мы выкупаем эксклюзивное право на постановку пьес, которые никогда не ставились в Беларуси. Их можно посмотреть только у меня. И это наша главная фишка! Мы ищем современные пьесы. У нас идет, к примеру, интерактивная сказка, в основе которой – современная белорусская драматургия. Она была написана специально для нас. Мы настолько заводим детей во время действия, что они уходят от нас в полном восторге. Во всем, чем мы занимаемся, стараемся искать свое. То, чего нет в других театрах Беларуси.

– А как насчет театральных экспериментов?

– Ищем глубокую идею в материале. Но мы все-таки зрительский театр – как и театр-студия киноактера. Поиски осуществляются в Центре экспериментальной режиссуры – на небольшой площадке, в маленьком зале на 50-60 человек Троянович ставит экспериментальные спектакли. И я в них тоже участвую, конечно. Из последних постановок Центра – «Иллюзии» Ивана Вырыпаева. Спектакль получился, правда, я в нем не играю. Татьяна Троянович очень часто выезжает на фестивали. Я тоже помогаю им с гастрольями, сейчас, к примеру, едут в Москву. Это совсем другой театр – театр литературный, я бы сказала. Четыре актера просто рассказывают истории для ограниченной

аудитории. На таком спектакле не заработаешь. Поэтому должны идти такие постановки, как «Брачный договор» Эфраима Кирсона... Несмотря на то, что «ТриТформаТ» – проектный театр и нас не поддерживает государство, мы ставим и современную белорусскую драматургию. С «Тринадцатой пуговицей Наполеона» драматурга, кинорежиссера Сергея Гиргеля и режиссера Троянович много ездили – были и в Москве, и в Париже, и в Киеве. Драматург, увидевший нашу постановку, сказал: «Ребята, ваш спектакль лучше, чем моя пьеса!» Это высочайшая похвала! Как любой артист, я влюбляюсь в то, что делаю. Если не люблю, то работать не могу. Слава Богу, я не участвую в фильмах и спектаклях, за которые мне было бы стыдно. Стараюсь отказываться от таких проектов, невзирая на возможность заработать. В этом плане я счастливый человек: имею право отказаться.

– А вам в каких спектаклях интереснее работать – в зрительских или экспериментальных?

– Очень сложно разграничить. Любой актер мечтает пострадать и порыдать на сцене. Но как я счастлива, когда играю в комедиях! В репертуаре у меня 70 процентов комедий. Я получаю колоссальное удовольствие, когда зрители в зале хохочут. Меня это заводит, заряжает адреналином. Я замечаю, что на монологе моей Шифры из комедии «Брачный договор», по сути, не очень веселом, зритель... плачет. Значит, публика прониклась чувствами к моей героине. Ведь любая женщина понимает, о чем говорит Шифра. И как обидно, когда ты настолько замкнута в быту, что становишься его рабом! А ведь у моей Шифры и темперамент есть, и ум, но она настолько погрузилась в семейные проблемы, что просто не может вырваться из рутины. И вызывает сочувствие.

– А вот ваш пример совсем

другой: максимальная реализация в семейной жизни и в творчестве. Как это вам удается?

– Умею распланировать свой день. Он начинается очень рано: я встаю в 6.30 утра и начинаю готовить еду, всем складывать бутерброды, всех собирать. Дети целиком на мне из-за огромной занятости мужа. По роду профессии мы оба очень загружены. Но в этом есть и свои плюсы: у нас нет ощущения, что мы друг другу надоели, что нам скучно вдвоем, и мы всегда рады видеть друг друга! Но семейные заботы, конечно, на мне. Я ведь

Сцена из спектакля «Брачный договор»

реже куда-то уезжаю – максимум два-три раза в год. А муж все время в разъездах.

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

– Но вас хватает и на работу в кино.

– Очень люблю кино. Сейчас начинают снимать продолжение сериала «Ой, мамочки!», в котором я уже играла. Он очень полюбился зрителям. У меня в сериале главная роль акушера-гинеколога. Уже сняли 12 серий, предстоит еще восемь. Хочу отметить, что я не перехожу из одной картины в другую, потому что то, что сейчас снимается, – это ниже всякой критики! Я, как минер, не имею права на ошибку. К примеру, предлагают роль женщины легкого поведения, проститутки. На это я отве-

чаю категорически: нет! Какая бы это ни была интересная роль, мой статус не позволяет мне участвовать в таком проекте. Конечно, отказываясь от таких ролей, я жертвую финансовым благополучием. Но все-таки я должна играть другие, благородные роли. И главное – там должна быть интересная судьба. Мне жаль, что мои актеры для того, чтобы заработать, вынуждены иногда соглашаться на сомнительные роли в кино и на телевидении. Так, актриса Алеся Пухова очень много снимается и как-то сказала: «Деньги проела, а позор на всю жизнь!» Но она

главная зарабатывающая сила в семье и вынуждена соглашаться на такие предложения. А вот в нашем спектакле «Брачный контракт» Алеся очень вкусная, замечательная!

– Вы ведь преподаете в Академии искусств – еще одна ваша ипостась... Эта работа приносит вам радость?

– И еще в школе веду театральный кружок. Причем я начала работать с детьми с первого класса... Я очень занята, в театре у меня минимум 15 спектаклей в месяц, а то и больше. И мой младший ребенок страдает от этого. Старший, конечно, меньше – ему 18, он уже вполне самостоятельный, взрослый. А вот младшему нужно уделять время. И я у них в школе как раз и создала теа-

Сцена из спектакля «Брачный договор»

тральный кружок. Мы уже где-то побеждаем, получаем призы. Недавно поставила 45-минутное действие с учителями... Что касется Академии искусств, то там я преподаю фехтование, технику сценического боя... Я поставила все бои, пластические сцены в наших спектаклях. То есть, кроме того, что играю и занимаюсь продюсированием, я еще и бои ставлю... Научилась я всему этому в Академии искусств. У меня были очень хорошие педагоги. Но они ушли из жизни, и предмет некому стало преподавать. В тот период я как раз поступила в аспирантуру и родила ребенка. И мой руководитель курса предложил мне вести сцендвижение. Я сначала отказалась – не была уверена, что справлюсь. Но меня уговаривали: «Не бойся, у тебя очень круто получается!» Так я задержалась в Академии искусств на 16 лет. Сейчас я могу научить фехтовать любого. Я уже профи! У меня уже настолько выработалась методология преподавания, что ребята, поначалу не знавшие, как вообще подойти к шпаге, позднее выполняли крутые этюды, номера, драматические куски. И в спектакли мы все это внедряем очень круто!

– Сколько сейчас спектаклей в репертуре вашего «ТриТформаТ»?

– Пока четыре, начинаем пятый. Ставим и детские спектакли. Стараемся всего зрителя объять – и взрослых, и детей. Поставили сказку и отыграли ее благотворительно во всех детских домах. Это тоже был совместный проект со Сбербанком. Он был спонсором двух наших спектаклей. Второй – «Держи хвост пистолетом» по мотивам сказки Юлии Лешко и Людмилы Перегудовой. Интерактивный, классный спектакль, современный музыкальный экшн. Мы играли его в Риме и Неаполе, возили в Киев. «Держи хвост пистолетом» всюду очень хорошо принимают. Потом уже была «Тринадцатая пуговица Наполеона». И вот начинаем делать спектакль «Куры не против лис». Была такая картина «Рыжий, честный, влюбленный». Невероятная сказка по мотивам книги шведского писателя Яна Улофа Экхольма! Но мы ее немного переделали под свою команду. Мне кажется, она будет очень добрая. Неважно, какие мы, – дикие или травоядные. Но мы должны быть вместе.

Мы работаем только с Татьяной Троянович. Она – режиссер.

Я – продюсер. И все-таки, в первую очередь, я актриса, а потом уже все остальное.

МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

– Задам, возможно, тривиальный вопрос: есть роли, о которых мечтаете?

– Когда я вижу материал, который меня трогает, то это и становится ролью моей мечты. Кто-то мечтает сыграть Офелию или Гертруду – это не обо мне. Мне хочется, чтобы были просто интересные, классные роли и спектакли, радующие зрителей, заставляющие их задуматься. Если хотя бы один человек выйдет из зала с каким-то душевным обретением, мы не зря работали. Однажды после спектакля «В будущем году, в то же время» за кулисы пришла плачущая девушка. Обнимает меня и плачет. Говорит: «Вы перевернули мою жизнь! Не знаю, как вы это сделали, но я с вами прожила весь спектакль! Я так боялась, что герои расстанутся! Спасибо за то, что они остались вместе!» Наверное, ради этого мы и выходим на сцену. Ради этого и живем.

– Зрители не остаются равнодушными и к вашему голосу. Услышала ваше исполнение белорусской народной песни в Тбилиси, в антракте «Брачного договора», а потом увидела вас в клипе – роскошную, очаровательную, в другом амплуа – эстрадной дивы. Опять перевоплощение и новый образ. К тому же вы изумительно поете!

– Я вскоре выпущу второй сольный диск. По радио крутят мои песни. Те, кто понятия не имеют о моей работе в театре, знают меня по песням. Они могут не помнить мое имя и фамилию, но они знают названия моих песен. Ту же «Серебряную метель», ставшую хитом.

– Вы из творческой семьи?

– У меня в роду нет вообще никого из мира творчества. Мама – в спорте. Папа – технар, но по духу всегда был че-

ловеком творческим. Он очень хотел когда-то поступать в театральный институт, но родители ему не разрешили. Поначалу и мои родители были категорически против моего поступления и делали все, чтобы я не стала актрисой. Втихаря я все-таки подала документы в театральный, и потом они меня уже очень поддерживали. Тем не менее моя мама до моего 30-летия не воспринимала актерскую профессию, как серьезную. И только когда состоялся мой бенефис и появились какие-то серьезные спектакли, она мне сказала: «Да, теперь я вижу, ты актриса! Актриса до мозга костей!» А папа был вообще всегда за меня.

– Сразу все пошло как надо, или были пробуксовки, неудачи?

– Я всю жизнь пробиваюсь сквозь тернии к звездам. Даже в спектакле «Брачный договор». Премьера у нас была назначена на 14 декабря и лишь 13 декабря в 6 часов вечера был подписан договор с сыном драматурга Эфраима Кишона... Я перенервничала: были вложены большие деньги, завтра премьера... и бесконечное ожидание до последнего момента. Даже сейчас у меня проблемы с разрешением инсценировки сказки шведского автора. Он еще жив... Мне должны подключить ребят из МИДа, чтобы они перевели текст пьесы с английского. У меня самой проблемы с английским, и это мне мешает. Нужно изучать язык, чтобы двигаться дальше.

– Куда?

– Для начала мне хочется стать директором полноценного театра, нужно иметь свою собственную площадку. А сейчас я лишь директор маленького проекта и не имею своей сцены. Хотя мы и работаем в самом сердце города Минска – во Дворце республики, на Октябрьской площади, 1. Шикарная площадка! И все к нам замечательно относятся. Мы вдохнули жизнь в малую сцену, привели зрителей, раскручиваем ее. И я хочу, что-

бы она стала моей. Чтобы нам ее отдали со словами: «Вот, Вера, ваш театр!» Мне очень понравился Тбилисский театр киноактера имени Михаила Туманишвили, на сцене которого мы играли «Брачный договор». На приеме я сказала, что только о таком театре – такой сцене, таком фойе можно мечтать. Там есть особая атмосфера.

– Когда-то Михаил Туманишвили осуществил мечту – открыл свой театр...

– Вот и я мечтаю... Хочу еще открыть при театре детскую студию. Такого театра нет в Минске – мечтаю, чтобы взрослые и дети играли на одной сцене, в одних спектаклях! Представляете, какой это будет кайф? Мой младший сын, к примеру, – артист до мозга костей, он не боится сцены, внутренне свободный, раскрепощенный. Ему не важно – взрослый, маленький партнер. Он со всеми находит общий язык, ведет серьезные концерты. И другие дети, с которыми я работаю, тоже не зажаты. Я их не втискиваю в жесткие рамки. Что еще важно? Кто именно преподает в детских студиях. Нельзя детей загонять в шаблон. Потому что они уже сами по себе артисты. Их просто нужно умело, тонко направлять – откуда выйти и куда зайти. И они все сделают. Дети, с которыми я работаю, – это бомба! Но необходим, конечно, титанический труд. Мне хочется, чтобы наши актеры, с которыми я играю на сцене, тоже преподавали детям.

А сцена для моего театра нужна небольшая – 300-400 мест. Я экономически справлюсь. И чтобы были репетиционный зал, классные фойе и театральное кафе. Чтобы зрители в антракте имели возможность съесть канпешку, выпить чашечку кофе и бокальчик вина. В этом весь театр!.. Когда мы отмечали пятилетний юбилей, все было очень красиво. Сыграли спектакль, организовали выставку, на экране шел фильм про наш театр, каждому зрителю мы налили по бокалу шампанского. Угощали кон-

фетами, соками... Это было так круто! Публика тоже, как и мы, почувствовала: это праздник! Я не забыла ни одного зрителя в зале. Каждый был с нами вместе! А в конце мы вынесли торт со свечами, спели песню. И не так уж много я на это потратила, зато всем было радостно...

Век актрисы очень короткий. Я научилась быть немного бизнесменом и могла бы поде-

Вера Полякова

литься своим опытом. Для того, чтобы играть экспериментальный спектакль на 50 человек, у тебя должно быть десять таких постановок, чтобы привлечь зрителя. Нельзя поставить 20 спектаклей, рассчитанных разве что на 50 человек, и только два – популярных у зрителей. Все – вы в убытке! Потому что вкалываем и ничего не получаем взамен. Людям нужно обучить театральному маркетингу. Я бы привлекала положительный иностранный опыт – опыт продюсирования. Конечно, театры не могут быть на 100 процентов самоокупаемыми – это утопия. Нужны меценаты, у которых есть желание вкладывать и помогать. Но они должны иметь за это какие-то льготы. Например, послабление в налоговой системе. Бизнесмен тоже не может просто так вкладывать деньги. У него должен быть свой интерес... Вот такие мои мечты и реальность!

Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Он получил отличное театральное образование, но актером не стал. Он не был ни искусствоведом, ни живописцем, но обладал редким «чутьем к искусству» и стал своим человеком для художников Ладо Гудиашвили, Давида Какабадзе и купца-мецената, коллекционера театральной старины, создателя частного литературно-театрального музея Алексея Бахрушина. Он не писал рассказов и стихов, но сумел создать основу Литературного музея Грузии. Он начинал замечательные дела, которые продолжали другие. Его увольняли в самый разгар удачной работы, считали то чудаковатым энтузиастом, то подвижником. С самым высоким начальством он, Давид Арсенишвили, разговаривал на равных и никогда не просил, а требовал. Академик Дмитрий Лихачев вспоминал: «...Он входил в учреждения как власть имеющий – в нем

было это сознание, ибо он служил высокой идее. Если кто-то не поддавался его уговорам, медлил, проявлял равнодушие, он пускал в ход свой последний аргумент: «Я грузин и хочу, чтобы Музей русского искусства был открыт, был достоин своего призвания. А вы кто? Вы русский, и вы этого не хотите!».

В 1905 году, когда в селе Дабадзвели близ Ткибули в семье Ильи Арсенишвили появился на свет шестой ребенок – Давид, глава семейства потерял работу. Он был полицейским приставом, но весьма необычным – настолько прогрессивных взглядов, что даже сочувствовал революционным идеям. И, естественно, после подавления революции 1905 года его отстраняют от должности. Став просто государственным служащим, он работает в Баку, Гагра, Кутаиси, Тифлисе. В этих городах и учится Давид, закончив в итоге Кутаисскую

гимназию. Казалось бы, яркая творческая судьба ему не уготована – в 1921-м он поступает в Тбилисский индустриальный техникум и через пару лет получает диплом экономиста. Ан, нет! Учась в техникуме, 16-18-летний парень не связывает себя ни с чем промышленным, а работает секретарем Театрального отдела в Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) Грузинской ССР. Да еще сотрудничает с газетой «Трибуна». Экономическое образование – желание родителей, но друг Давида поэт Рюрик Ивнев свидетельствует: тот с детства мечтал о театре. И Давид уговаривает знакомую своих родителей (мол, с ними все согласовано) взять его с собой в Москву. Отъезд этот приходится обставить именно театрально, в духе романтически-приключенческих постановок: квартира оказывается запертой, и Давид спускается

Давид Арсенишвили в начале музейной деятельности

с четвертого этажа по канату, свитому из простыней!

Добравшись до Москвы, он оканчивает театральную студию под руководством актрисы МХАТ Марии Роксановой, первой исполнительницы роли Заречной в «Чайке». Но его влечет не какая-то конкретная сцена, а весь необъятный театральный мир. Возможность окунуться в него предоставляет работа с 1924 по 1927 годы в Тбилисском современном студии-театре. Там Арсенишвили и режиссер, и заместитель директора по научной части, и лектор по истории театра. Материалов же для этих лекций он «накропал» немало – около трех тысяч экспонатов, иллюстрирующих историю грузинского театра. Из них примерно шестьсот собраны лично Арсенишвили. Научный труд на эту тему, представленный Давидом в 1927-м в Государственную академию художественных наук, подкрепляется соответствующей выставкой.

Выставка настолько значительна и интересна, что уже на следующий год Наркомпрос республики учреждает первый во всем Закавказье Государственный театральный музей Грузинской ССР во главе с двадцатилетним Арсенишвили. В нем – отделы театра, музыки, балета, оперы, цирка и кино. Помимо материа-

лов об истории непосредственно грузинского театра, немало экспонатов и о национальных театрах, внесших свой вклад в культурную жизнь страны. Это – итальянская опера, русская драма, французский, армянский и азербайджанский театры. Представлены экземпляры трагедий Шекспира на английском языке с пометками Иване Мачабели – выдающегося переводчика этих пьес на грузинский язык. Рядом с ними – макеты, эскизы декораций и костюмов различных постановок. В отделе музыки – ноты первых грузинских опер.

Поначалу, еще не получив официальный статус, музей располагается в сырых полуподвальных восьми комнатах и двух залах здания бывшей гостиницы «Beau Monde» на углу улиц Некрасова и Клары Цеткин (ныне Цинамдзгвришвили). Естественно, долгое время уникальную коллекцию там не продержишь, и через год экспозицию переносят в здание Государственного исторического музея Грузии. Но там ей предоставляют... один зал. И энтузиастам во главе с Арсенишвили приходится устраивать временные выставки, в том числе и вне стен музея. Давид Ильич организует десять таких самостоятельных выставок, в том числе и театрально-декорационного искусства. Шесть из них посвящены театральному деятелю Александру Сумбаташвили-Южину, режиссеру и театральному педагогу Вахангу Мчедлишвили, классику азербайджанской литературы Мирзе Фатали Ахундову, певцу Харлампию Саванели. А самый большой резонанс у выставки, посвященной памяти Александра Грибоедова.

В 1928 году на заседании Академии художественных наук Арсенишвили делает доклад «Грибоедов в Грузии и Персии», посвященный 100-летию со дня гибели поэта и драматурга. Найденные в Тбилиси архивные документы позволяют ему уточнить некоторые важные детали биографии Грибоедова. И прямо на этом заседании Давид Ильич избирается членом-корреспондентом Академии художественных

наук. Однако грибоедовская тема для него не исчерпана. В конце того же года в Тифлисском горисполком из Театрального музея за подписью Арсенишвили отправляется просьба провести на могиле Грибоедова ремонтно-восстановительные работы. И деньги на это находятся, могила приведена в порядок. А Давид Ильич продолжает огромную работу, посвященную памяти Александра Сергеевича.

В 1928-1929 годах афиша на грузинском и русском языках извещает, что Театральный музей организовал в Доме работников просвещения выставку «Грибоедов в Грузии». У нее около 300 экспонатов и замечательный каталог. Материалы о жизни и творчестве писателя, которого в Грузии называют «русским зятем», настолько значительны, что ими заинтересовался Московский государственный театральный музей. Он приглашает Арсенишвили принять участие в своей выставке, посвященной Грибоедову. А экспозиция тбилисского Театрального музея становится передвижной, в Баку и Ереване также на двух языках печатаются афиши о ее приездах.

Затем в столице Грузии, по просьбе Арсенишвили, эта выставка становится постоянной, власти решают разместить ее в двух комнатах большого дома, стоящего у церкви Святого Давида рядом с могилой Грибоедова. Дом принадлежит священнику Мчарашвили. В этой экспозиции немало материалов и о выдающихся поэтах Грузии первой половины XIX века, о Пушкине, Лермонтове, видных военных и политических деятелях, о литературных салонах Тифлиса. Именно на основе этих материалов, собранных Арсенишвили и его единомышленниками, потом рождается Литературный музей Грузии. Заметьте, это уже второй музей, основателем которого стал Давид Ильич.

А в 1929 году издается сборник «Грибоедов в Грузии: 1829-1929». Авторы – Арсенишвили и его соратник по созданию Литературного музея Иван Ениколопов. Перу Давида Ильича в

Д. Арсенишвили с другими создателями Театрального музея

этом сборнике принадлежат предисловие, биографический очерк на грузинском языке о Грибоедове и статья на русском «Первые постановки «Горя от ума» на Кавказе». Еще через четыре года – новый триумф Театрального музея: в помещении Союза художников Грузии проходит выставка, посвященная театральному искусству республики, она – уже о современности, о сезоне 1932-33 годов. Фотографии сцен, макеты декораций, эскизы костюмов лучших постановок Театра имени Шота Руставели, созданных выдающимся режиссером Сандро Ахметели, и Второго государственного театра Грузии, возглавляемого Котэ Марджанишвили, русского, армянского и азербайджанского драматических театров, театра юного зрителя.

Казалось бы, все складывается удачно. В 1932 году Арсенишвили командируют в Москву на выставку «15 лет советской книги». Там он организует отдел «Советская книга в Закавказье» и пишет статью «Советская книга за 15 лет», которую потом перепечатывают на немецком языке в Берлине. А через год, вновь в столице СССР, он представляет Закавказье на Международной олимпиаде революционных театров и выступает там с докладом «Архитектура нового театра». Так грузинское театроведение впервые выходит на международный уровень. В 1934-м с издевательским цинизмом власти, наконец, находят постоянное помещение для Театрального музея. Это... церковь Норашен.

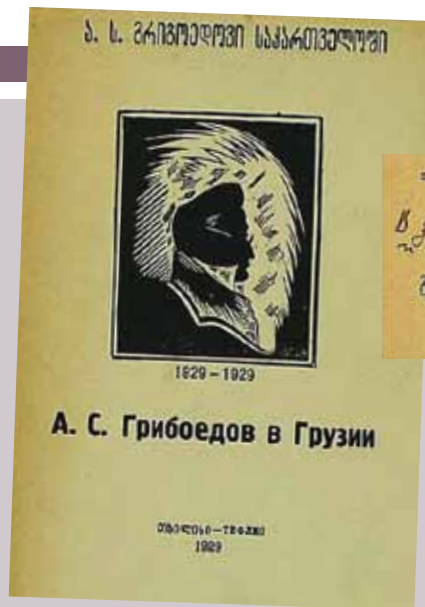
На дворе – то самое время, когда церкви превращаются в склады, спортзалы, библиотеки. Так что Норашену «везет». Но не везет Арсенишвили и его немногочисленным сотрудникам: стены храма расписаны, а уничтожить фрески, чтобы можно было размещать экспозиции и расставлять стеллажи, для Давида Ильича – кощунство. Так что о полноценной музейной работе речь не идет: весь музейный материал складывается на полу, стекла разбиты, нет никакого отопления, катастрофически не хватает выделяемых денег. Да и в штате музея всего четыре человека: ди-

ректор, его заместитель, уборщица и сторож. А товарищи из комиссии, созданной Наркомпросом, категорически требуют «привести здание в надлежащий вид». То есть, «вывезти все, напоминающее церковь с ее украшениями, росписями по стенам, произвести ряд перестроек и переделок, завести папки, шкафы и т. п., приступить к каталогизации инвентаря».

Подобные предписания Арсенишвили, в основном, не выполняет, единственное, что он рад делать – составлять каталоги и описания. Первый этап создания музея проходит успешно – Давид Ильич собрал, спас колоссальный материал, но начать второй этап он не успевает – приказом N 176 по Наркомпросу от 19 марта 1935 года его отстраняют от должности. И повод-то какой нашли: «Самовольно уехал на длительное время» (он ездил по музейным делам в Баку). Так на долгие тринадцать с лишним лет «устраитель музейев», как называли его коллеги, отстраняется от любимого дела. А чтобы он не «мозолил глаза», не раздражал своей настойчивостью разнокалиберных чиновников, Комитет по делам искусств Грузинской ССР командирует его для повышения квалификации в Москву. Там в студии Константина Станиславского его зачисляют в ассистентскую группу, и он проходит курс знаменитой системы великого режиссера. Живет Давид Ильич тем, что по договорам выполняет художественно-оформительские работы. Но пару раз находит и возможность вернуться к любимому делу. В 1936 году, к столетию со дня рождения Ильи Чавчавадзе, организует выставку о жизни и творчестве этого поэта и общественного деятеля. А через год – еще одну, посвящен-

Давид Арсенишвили перед отъездом из Москвы

ნუ 750-letnemu იუბილე შოთა რუსთაველი.

В Тбилиси он возвращается в начале Великой Отечественной войны. Ведет работу по созданию противовоздушной маскировки грузинской столицы, становится заведующим сектором охраны памятников архитектуры Грузии. По поручению Грузинского отделения Художественного фонда СССР собирает произведения современного грузинского искусства, пишет большую статью о нем, создает в Тбилиси художественный салон. Вроде бы его начинают ценить – награждают медалями «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», избирают депутатом Тбилисского горсовета. И, наконец, в 1949-м, распоряжением Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР, переводят в Москву. Однако этот перевод назвать награждением нельзя, хотя он и возвращает Арсенишвили к любимому делу. Грузинскому специалисту предстоит создать Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Фактически из ничего, на руинах бывшего Андроникова монастыря.

Постановление Совета Министров СССР об основании этого мемориального музея подписано Сталиным еще в 1947-м, когда на высшем государственном уровне отмечался 800-летний юбилей Москвы. Вся территория монастыря была объявлена историко-архитектурным заповедником имени Андрея Рублева, а для музея выделили Спасский собор. Когда Арсенишвили появляется на этой территории, музеем там, как говорится, и не пахнет. Существует лишь соответствующее постановление правительства, на бумаге. А все постройки надо не только срочно реставрировать, но и освободить от ютящихся в них людей. В переданном музее Спасском соборе остается архив Главного управления военных трибуналов Вооруженных сил СССР. Почти год понадобился Давиду Ильичу, чтобы добиться перевода этого архива. Потом приходится бороться за ликвидацию душа и туалета, постро-

енных возле собора временными жильцами, и футбольного поля, расположившегося на территории древнего некрополя. Но оказывается, что это лишь начало настоящей борьбы за лакомый для многих кусок земли.

Начинается бюрократическая чехарда. Правительство передает музей в ведение Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР, а оно, в свою очередь, предлагает отдать его Академии художеств СССР. Между тем, в системе Академии наук СССР есть Институт истории искусств, и Арсенишвили просит передать музей туда. В просьбе отказано, и Управление по делам архитектуры начинает настоящую войну с музеем. Спасский собор не реставрируют, а размещают в нем Отдел охраны памятников и Главную инспекцию Государственного архитектурного контроля РСФСР. Эти организации занимают два больших помещения, оставив музею со всеми его коллекциями лишь одну двадцатиметровую комнату. В собор перевозятся оборудование телефонной станции и старый инвентарь.

Как же удастся Арсенишвили со штатом в пять сотрудников выстоять перед таким давлением? В научном мире живут легенды о том, как он находил ходы на «самый-самый верх». Научный сотрудник Ирина Васильева-Иванова,

Дом священника Мачарашвили у церкви Св. Давида

Начало реставрационных работ в Андрониковом монастыре

дружившая с Арсенишвили и вместе с ним создававшая музей, утверждала, что следующая история вовсе не легенда, а чистая правда. По ее словам, некий грузин, знакомый Давиду Ильичу еще с детства, работал поваром у Берия. И передал просьбу Арсенишвили о помощи самому Лаврентию Павловичу, а тот, в свою очередь – самому Иосифу Виссарионовичу. Трудно сказать, насколько это соответствует действительности. Но то, что Давид Ильич выступил перед секретарем ЦК ВКП (б) Михаилом Суловым, неоспоримо. В ноябре 1951-го Совет Министров РСФСР предложил вообще ликвидировать музей и передать его помещения специальной научно-реставрационной мастерской Архитектурного управления. Вопрос рассматривался у Сулова. Тот выслушал «вдохновенную речь Давида Ильича о значении и перспективах музея» и «высказал пожелание, чтобы к делу создания Музея подключились авторитетные организации». Такое пожелание равно приказу.

Признаемся, в наши дни трудно представить, что, выходя на такие «инстанции», человек ничего не попросил для себя лично... Все, что «выбивал» Давид Ильич, касалось только музея, он был настоящим бессребреником. Не имел квартиры в Москве и спал на раскладушке, которую ставил в Спасском соборе, получал 69, потом – 75 рублей в месяц. И имел один, но отлично выглаженный костюм. А как же иначе? Ведь Арсенишвили не только ходил «по верхам», но и общался с дипломатами, пытаясь популяризировать Рублева. И когда его приглашали в посольства, он брал не такси, а какого-нибудь частного – чтобы выглядело так, будто он приехал на личной машине с шофером.

Все время, пока идет борьба за выживание музея, Арсенишвили, его научные сотрудники Наталья Демина и Ирина Васильева-Иванова, которых в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома Академии наук СССР называют «святой троицей», успевают и ездить по городам и весям. Они собирают образцы древнерусского искусства, спасают их от разрушительного действия времени в недействующих церквях или в запасниках краеведческих музеев, где их не

включали в экспозиции как «предметы культового назначения». Эта огромная работа ведется во Владимире и Суздале, Ярославле и Ростове, Угличе и Вологде, Калуге и Твери, во многих других древнерусских городах. Академик Лихачев говорил, что «две слабые, но преданные делу и знающие женщины и рыцарственно служащий своей идее грузин» не только стойко «держали оборону», но и активно работали, пополняя музей редчайшими экспонатами. Два года уходят у них на то, чтобы обследовать фонды периферийных музеев, составить списки с тысячами наименований древней иконописи, спасти от гибели и вывезти в Андроников монастырь свыше ста уникальных икон XV-XVII веков, погибавших от сырости и плесени.

К середине 1950-х в музее уже имеются библиотека в 480 томов (без учета периодических изданий Академии наук) и огромное собрание архивных материалов. Арсенишвили и его сотрудники начинают давать консультации, рецензии и справки, проводят экспертизы и помогают периферийным музеям. Конечно же, не обходится без передвижных фотовыставок. Одна из них – «Андрей Рублев и мастера древнерусского искусства», организованная музеем вместе с Московским союзом художников, имеет огромный успех в феврале 1954 года. Как же оценивается властями эта огромная работа? Прочтем документ, созданный в 1956 году, Государственным комитетом Совмина РСФСР по делам строительства и архитектуры: «Проводимая музеем полезная работа по собиранию памятников древнерусского искусства и по популяризации творчества Андрея Рублева изображается как своего рода «подвижничество». Это мешает коллективу **Н. Демина, И. Васильева-Иванова, Д. Лихачев и Д. Арсенишвили**

Открытие Музея им. Андрея Рублева

ву целеустремленно работать над организацией музея с тем, чтобы в ближайшее время начать показ творческого наследия Андрея Рублева широким массам советских граждан».

Дело доходит до прямого абсурда. Музею ставят задачу подготовиться к 600-летию со дня рождения Рублева, а все собранные редкости ютятся в одной комнате, и нет никакой возможности организовать экспозиции. Моссовет же готовит в это время постановление о передаче зданий бывшего монастыря под административно-хозяйственные нужды. Жильцы с территории заповедника не выселены, полуразвалившиеся строения не снесены, открываются гаражи, склады, различные мастерские. Деньги на реставрацию Спасского собора не выделяются.

Десятки комиссий, проводящие проверки в самой грубой форме, мешают нормальной работе. Достаточно прочесть вывод одной из них (в 1937-м такого вывода хватило бы для приговора): «Т.Арсенишвили келейно продолжает показ экспонатов, не утвержденных в установленном порядке и размещенных в неотреставрированном помещении, не приспособленном на сегодняшний день для музейного показа. Несмотря на то, что музей еще не открыт, его часто посещают отдельные граждане, представители духовенства, иностранные подданные, в том числе послы западных держав. Самовольно разрешая доступ в музей, экспозиция которого не утверждена и размещена в непригодном для показа помещении, т.Арсенишвили проявляет тем самым политическую близорукость и дискредитирует самую идею популяризации творчества Андрея Рублева. Кроме того, экскурсоводческая работа по незавершенным музейным фондам отвлекает коллектив от решения основной задачи – подготовки музея к открытию». И все это вместо одного лишь слова: «Спасибо!»

Арсенишвили обращается в самые различные инстанции, общественность то и дело встает на защиту музея, его поддерживают видный искусствовед, член Австрийской академии наук Михаил Алпатов, академик Дмитрий Лихачев, писатель, председатель Всемирного совета мира Илья Эренбург, знаменитый археолог Борис Рыбаков и многие другие, известные на всю планету люди. А тут еще и ЮНЕСКО объявляет 1960

год годом Андрея Рублева. Власти ясно, что от открытия музея никуда не уйдешь. Но никого не боящийся, «политически близорукий» директор ей не нужен. И за полтора года до юбилея Давида Ильича увольняют. Воспользовавшись тем, что он серьезно болен, 21 сентября 1960 года Музей имени Андрея Рублева торжественно открывают уже без участия Арсенишвили.

...В 1963 году в одной из тбилисских больниц пациент, страдающий от бронхиальной астмы, просит уборщицу не натирать мастикой пол в его палате. Но она выполняет указание начальства и поэтому отправляет больного к палатному врачу. Тот – к главному. Главврач краток: «Так положено». На следующий день больной умирает от сильнейшего астматического приступа. И 23 ноября газета «Советская культура» публикует извещение: «Министерство культуры СССР, Академия художеств СССР, Институт истории искусств Министерства культуры СССР и Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева с глубоким прискорбием извещают о кончине талантливого организатора музейного дела Давида Ильича Арсенишвили, последовавшей на 58-м году жизни в Тбилиси, и выражают соболезнование семье покойного».

Человек, всю жизнь преодолевавший чер-

Мемориальная доска Д. Арсенишвили в Музее им. Андрея Рублева

ствость, бездушие и некомпетентность на самых высоких уровнях, не смог преодолеть их в больших стенах. Он спас от гибели бесчисленные шедевры грузинской и русской культуры, спасти его самого просто не желали. Но вспомним еще одну фразу Дмитрия Лихачева, назвавшего Арсенишвили самым грузинским из грузин: «Вечным и лучшим памятником грузинского характера навсегда останется основанный грузинском в Москве Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Низкий поклон Давиду Ильичу Арсенишвили».

Сцена из спектакля «Ханума»

Я СОЗДАЮ НАСТОЯЩИЙ ТЕАТР!

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Тбилисцам представилась уникальная возможность побывать в Ирландии. Точнее – на одном из трех островов, расположенных у западного ее побережья, – Инишмаане. И это благодаря одному из лучших театров России – Пермскому мистическому театру «У Моста». Он был создан режиссером Сергеем Федотовым около тридцати лет назад и на будущий год отмечает юбилей. Пермьяки – кстати, обладатели российской театральной премии «Золотая маска» – ведут очень активную гастрольную деятельность, так что слава о театре «У Моста» давно перешагнула границы Отечества. И вот дошла до Грузии...

На экспериментальной сцене театра имени Шота Руставели «У Моста» показал сразу два спектакля – одну из наиболее известных своих постановок «Калека из Инишмаана» М. МакДонаха и «Хануму» К. Цагарели.

До того, как посмотреть знаменитый спектакль по пьесе Мартина МакДонаха, грузинские театралы были уже слышаны о худруке «У Моста» Сергее Федотове, создавшем авторский

театр психологического гротеска. Но одно дело – прочитать об этом и совсем другое – увидеть воочию.

Сначала создается впечатление, что ты смотришь добротный психологический спектакль с длинными диалогами и неспешным темпоритмом. Но по мере развития действия на это ощущение наслаивается другое: все происходящее на сцене – реально и в то же время – абсурдно-сюрреалистично. На этом ирландском острове Инишмаан живут странные люди – грубые, неотесанные, с суровым нравом, в чем-то даже жестокие, хотя при этом по-своему невероятно притягательные!

Инишмаан – это словно задворки Вселенной. Вроде гоголевского города N, от которого «хоть три года скачи, никуда не доскачешь». Материальный мир вокруг героев спектакля вполне соответствует атмосфере, среде их обитания – заскорузлой, мрачной, не оставляющей никаких иллюзий. Из этого убогого мира однажды пытается убежать лучший из жителей острова, калека Билли – убежать в

страну Грез, Голливуд... но вскоре возвращается на круги своя. На родной Инишмаан, где, по крайней мере, его нежно любят чудаковатые тетушки, а рыжая бестия Хелен, скорая на расправу, – в высшей степени дикое существо! – готова даже пройтись с ним под ручку на улице. В итоге несчастный Билли (он узнает правду о своих родителях, которые хотели избавиться от него в детстве – попросту убить!), пытавшийся свести счеты с жизнью, отказывается от своего намерения. В спектакле (и пьесе) остается много неясного: действительно ли Билли болен туберкулезом и дни его сочтены? И почему в конце концов он вернулся на Инишмаан, если у него в Голливуде, вроде бы, начала складываться какая-то актерская карьера? Или это тоже иллюзия, бред тяжелобольного? В этих противоречиях и недоговоренностях – тоже некая мистичность драматургии МакДонаха.

– Да, это мистическая история! – подтверждает Сергей Федотов. – Вот уже 29 лет мы выпускаем мистические спектакли. Поставили всего Гоголя, на нашей сцене идет четыре спектакля по Булгакову – а «Мастера и Маргариту» я ставил не только в России, но и за рубежом: в Польше, Чехии. Наши авторы – это Шекспир, Достоевский...

– **МакДонах...**

– Что касается МакДонаха, то это тоже мистический автор, но у него совсем особая мистика. Когда в 1988 году создавался наш театр, я решил, что буду ставить только классику. Однако постепенно пришел к выводу, что в репертуаре должна быть и современная драматургия, художники того же уровня, что и Шекспир, Достоевский, Гоголь. Мы искали своих авторов, и вот тринадцать лет назад в Чехии я попал на спектакль «Сиротливый Запад» по пьесе МакДонаха и понял: вот он, гений, современный классик! Это была театральная сенсация. МакДонах – единственный современный драматург со времен Шекспира, четыре пьесы которого шли одновременно на сцене Шекспировского театра. Я понял, что

Сергей Федотов

структура, природа его драматургии совершенно оригинальна, уникальна, ничем не напоминает то, что мне было знакомо до сих пор.

Я придумал театр, который объединяет два направления – репертуарный театр и театр-лабораторию. Как репертуарный театр мы играем по 60 спектаклей в месяц. Объездили более 155 фестивалей, побывали на более чем 200 гастролях, 5 евро-турне. Наша творческая жизнь очень насыщенная: каждый год мы выпускаем по 5-6 премьер. Важнейшее направление – лаборатория. Театр все время разрабатывает новую актерскую технику. У нас проходят тренинги по речи, пластике, сцендвижению, мастерству актера, вокалу... Я развиваю актерскую тех-

нику, основываясь на системах Михаила Чехова и Ежи Гротовского. Пытаюсь объединить эти два направления, и стиль спектаклей, которые мы привезли в Тбилиси, – квинтэссенция нашего творческого метода. Мы постоянно исследуем различные театральные стили и школы. Если берем определенного автора, то досконально изучаем его и ставим сразу несколько спектаклей по его произведениям. Так что МакДонах – как и Гоголя – мы поставили практически всего! Театр обычно полностью погружается, вливается в автора, поэтому наши спектакли такие разные. Это погружение в драматурга настолько глубокое, что мы, по сути, превращаемся в него, сродняемся с ним. Как это происходит на нашем спектакле «На дне» Горького, объездившем множество фестивалей, ставшем обладателем Гран-при международного театрального фестиваля «Золотой витязь». Что касается МакДонаха, то режиссеры обычно не могут уловить его уникальный сплав – синтез гротескового театра, очень ярких характеров с абсурдизмом, парадоксом, с каким-то перелестом чуть ли не в карикатуру. Драматург в эти гротесковые персонажи вложил невероятную жизнь. Его пьесы требуют очень мощной материальной среды. И если я ставлю спектакль, то обязательно создаю такую среду. Ту, что я видел на Инишмаане, трижды побывав в Ирландии. В спектакле есть много вещей, которые просто уникальны, раритетны, и это позволяет актерам попасть в какое-то новое измерение именно МакДонаха. Через космос, подсознание. Российская критика пишет, что мы не только первооткрыватели этого автора, но единственный театр в нашей стране, который сумел поставить МакДонаха адекватно его стилю, то есть открыть его секрет, стилистику. В 2016 году мы провели первый международный театральный фестиваль имени МакДонаха. Все театры, которые приняли в нем участие, отмечали: мы и за рубежом не знаем театра, который так открыл бы драматурга. Даже ирландцы, показавшие у нас своего «Калеку из Инишмаана», сказали нам: «Мы не смо-

жем так сыграть. Вы чувствуете МакДонаха лучше ирландцев. Мы боимся играть после вас!» Потому что не просто ухватить его гротесковый стиль, к тому же у этого автора есть какая-то инфернальность, и отыскать вход в потусторонний мир МакДонаха очень трудно. Драматург рассказывает в «Калеке» о том, как на острове приезжает американская съемочная группа, и это правдивая, настоящая история. Но он так организует структуру своей пьесы, что ты попадаешь в ирреальное пространство. Как будто на машине времени перелетаешь в другой мир.

В «Калеке» МакДонах сделал еще очень тонкую пародию на Голливуд. Его герой все стремится в эту страну Грез... И драматург саму пьесу построил как голливудский фильм. Поэтому невероятно интересно погружаться в МакДонаха. Его пьесы – их сейчас восемь – очень разные. Самое главное, что не получается ухватить театрам, это юмор драматурга. А у него совершенно поразительный, парадоксальный юмор! На сцене происходят ужасные вещи, а зритель смеется и при этом понимает, что нельзя смеяться... стыдно. Но все равно смеется. Потому что не смеяться невозможно! Когда вышла пьеса МакДонаха «Однорукий из Спокана», мы получили право ее первой постановки... Полгода назад выпустили спектакль «Палачи». Полтора года назад они были сыграны в Лондоне, и больше во всем мире это никто не поставил. Потому что не знают, как ставить, как справиться с этим материалом. Когда выходит очередная пьеса МакДонаха, пресса, как правило, пишет: «Нет, это не МакДонах! Он совсем на себя не похож, мы разочарованы!». А спустя время: «А-а-а! МакДонах еще и такой, оказывается!» Он все время удивляет, шокирует... невероятной человечностью, добротой. Недавно пришел отзыв от зрителя, написавшего примерно следующее: «Странно – сначала смотришь и не понимаешь: люди в спектакле неприятные, необаятельные, грубые. Но постепенно происходит чудо, и ты понимаешь, что любишь их всех. В уродливых персонажах МакДонаха ты вдруг видишь...

Бога. В какой-то момент у калеки Билли лицо святого!»

Я очень рад, что нам удалось открыть для России МакДонаха, что мы потратили на это очень много времени. Выпустили переведенную на русский язык книгу Патрика Лонергана «Театр и фильмы Мартина МакДонаха»: мы получили право на это издание в Лондоне. Такого драматурга больше нет! Многие сравнивают его с Квентином Тарантино. Хотя на самом деле МакДонах его антипод. Из убийства, насилия Тарантино делает фокус, трюк. У МакДонаха ситуации тоже очень жесткие и кровавые, но, в отличие от Тарантино, его пьесы о жизни, людях. Ирландец своих персонажей любит. Поэтому и зрители влюбляются в его героев и сопереживают им. А вот у Тарантино мы влюбляемся в Уму Турман. Не в ее персонажа, а в самую замечательную актрису... Словом, появился такой драматург МакДонах, и сегодня наша миссия – проводить фестивали его имени. Мы отсматриваем все заявки и отбираем самое лучшее, что поставлено по пьесам драматурга. Это конкурсный фестиваль – мы вручаем Гран-при за лучший спектакль, отмечаем луч-

шую женскую и мужскую роли. Как только мы начали ставить МакДонаха, стали происходить вещи, которые не укладываются в голове. Всегда, когда мы его играем, в любом городе мира идет морозящий ирландский дождь. Приезжаем однажды в летнюю Прагу, где температура 40, и вдруг... начинается дождь, становится прохладно... Первая фраза у МакДонаха в пьесе «Красавица из Линэна»: «Ну что, Морин, дождик?» – «Само собой!» В пьесе «Череп из Коннемара» герои тоже заводят разговор о дожде уже в первой сцене: «Дожди, дожди, дожди, дожди, дожди – и больше ничего. А теперь и холод. И дни становятся короче. Через пару недель листья пожелтеют, вот и лето закончилось». МакДонах как личность космическая словно притягивает дождь...

– Однажды вам даже уда-

но вышел из бара! К тому же он прилетел в Ирландию только на один день: там он вообще бывает очень редко, постоянно живет в Лондоне, а в Голливуде снимает уже четвертый фильм. Сами ирландцы не видели своего знаменитого соотечественника ни разу в жизни. Слава богу, у меня оказался фотоаппарат – тоже совершенно случайно... МакДонах – уникальный человек. Даже внешне: красивый блондин с голубыми глазами. Он не пьет спиртное – только Лайт-Колу. МакДонах очень скромный, открытый, человечный, большой-большой ребенок. Я понял в те минуты, что правильно ставлю его пьесы. Его герои очень наивные. Когда другие ставят МакДонаха, они выпячивают грубость, жестокость. И это отвращает... Мне удалось привести на свою постановку людей, которые не принимали МакДонаха. И потом, посмотрев спектакль,

Сцена из спектакля «Калека с Инишмана»

лось встретиться с МакДонахом и пообщаться с ним. Расскажите, пожалуйста, как это было?

– Я поехал к Патрику Лонергану в Ирландию обсуждать макет будущей книги о драматурге, пошел на спектакль в небольшом городке, а после решил прогуляться по улице. И вдруг из паба вышел сам МакДонах! Я говорю ему: «Привет, я Сергей Федотов!» Поразительно, что за месяц до фестиваля имени этого драматурга я всего на два дня полетел в Ирландию и именно в том месте, в ту секунду, когда я проходил, МакДонах неожидан-

они говорили: так вот какой этот МакДонах! И плакали, переживая настоящий катарсис.

– В Тбилиси вы привезли веселую «Хануму» – совершенно другой материал, стилистика, автор, несколько не похожий на Гоголя, Булгакова, того же МакДонаха...

– Мы поставили «Хануму» несколько лет назад, и у меня была мечта приехать в Тбилиси, пообщаться с грузинами. И вот случилось чудо – мы поняли, что Грузию тоже услышали – как и Ирландию. Наш метод – внедряться, вживаться в драматур-

га – сработал и здесь. Мы стали грузинами, почувствовали эту невероятную нацию, этих гордых, свободолюбивых, сильных людей с широкой душой.

– Сергей Павлович, вы активно выступаете против постмодернизма в театре, утверждаете, что классику нужно ставить как классику. Поговорим об этом.

– За 30 лет работы в театре «У Моста» я успел поставить пятнадцать спектаклей в Чехии, десять в Польше. Работаю в России и за рубежом параллельно. В Чехии в 2014 году я поставил булгаковское «Собачье сердце», за что был признан лучшим режиссером Чехии и стал первым иностранцем в истории Национальной премии, удостоенным этой высокой награды. И уже там, в Чехии, я отметил энергичное движение современного театра к постмодернизму, к осовремениванию классики, переносу классических произведений в другое время. За рубежом постмодернизмом давно стали увлекаться. На мой взгляд, эта тенденция очень вредная, гнилая. Но это происходит! Почему? Потому что не умеют работать с актерами, создавать атмосферу спектакля. Не умеют работать с автором. Режиссеры ставят самих себя – самоутверждаются, показывают свое умение, мастерство. И в России сейчас тоже настоящая катастрофа, потому что критика о таких постановках пишет восторженно: это потрясающая режиссура, которая переворачивает классику, внедряет новых персонажей, использует современную музыку, современные костюмы...

– А как вы воспринимаете, к примеру, спектакли Роберта Стуруа? Они же тоже переворачивают классику.

– Я видел многие спектакли Стуруа, поставленные на сцене театра Руставели – «Кавказский меловой круг», «Король Лир», «Ричард III». Стуруа не нарушает структуру автора. Он в эту структуру – в шекспировские страсти, шекспировские отношения – добавляет свои стилизованные костюмы. Весь ужас в том, что современные режиссе-

ры играют классику с сотовыми телефонами, компьютерами, в джинсах. У Стуруа все-таки другому – он не переносит действие в сегодняшнее бытовое время, сохраняет поэтическую стихию. Где-то он, может быть, и передвигает время, но все равно не нарушает структуру автора. Он не вводит в спектакли новых персонажей – людей нетрадиционной ориентации, откровенные сексуальные сцены, не добавляет мат... И потом, Стуруа, ставя Шекспира, равно велик Шекспиру. Он не отрезает ему ноги и руки. Другое дело, что многие режиссеры ставят «под Стуруа», не понимая, что он-то проживает с Шекспиром его историю, его стихию, будучи конгениален драматургу. А вот они воспринимают только внешние атрибуты и ставят, каким им кажется, «как Стуруа». Но они ошибаются, они мелки! Такие режиссеры не понимают, что надо дорасти до автора, попасть в его энергетику, в уровень страстей именно шекспировских героев.

В Москве работает режиссер Константин Богомолов – в своих спектаклях он теряет чувства героев, уровень конфликтов обывается. В его спектакле по мотивам романа Достоевского «Идиот» князь Мышкин – это князь Тьмышкин. Аглая пишет письмо кровью... Богомолов старается шокировать зрителя, но это тупиковый путь. Поэтому я категорически против постмодернизма и тридцать лет ставлю классику как классику. Критика пишет, что я, не теряя автора, добавляю в него свою мистику, свою метафизику, свой взгляд на те или иные явления. Что мои спектакли яркие, необычные. Но главное – я всегда иду от автора.

– Старт Сергея Федотова как режиссера произошел три десятилетия назад. Вам пришлось испытать «темный ужас начинателя игры», если цитировать Николая Гумилева?

– Конечно, было страшно. Когда я учился в Пермском театральном институте на режиссерском факультете, то уже знал, что хочу делать свой театр. И знал, каким он будет. Я уже тогда очень любил Бул-

гакова и в институте поставил сцену с участием Понтия Пилата и Га-Ноцри. А также целиком «Незнакомку» Блока. Я хотел уже тогда создать театр невербальный, атмосферный, театр магии, театр фантастический, но основанный на игре актеров, на психологическом театре. Я был на репетициях десяти спектаклей Анатолия Эфроса, и для меня эта школа очень важна. От психологической правды живых артистов нужно идти, от проживания, от вибрации, от поглощения историей артистов, которые начинают жить жизнью своих персонажей и уже не похожи на самих себя. Поэтому я решил, что хочу создать театр, который будет единственным в мире, не похожим на другие. Первый мой опыт связан с работой в маленьком театре недалеко от Перми, куда попал по распределению. Там я сделал девять спектаклей, и это был первый мой театр, созданный с нуля. Потом я поставил перед собой цель пойти в армию. Служил далеко-далеко, в Хабаровске, на границе с Китаем. В течение полутора лет я делал там свой второй – солдатский театр и поставил на его сцене восемь спектаклей. А после армии я уже понял, что готов создавать в Перми тот театр, который хочу. Нашел место и открыл в 1988 году театр, не похожий на другие, с очень мощной энергетикой. Начал сразу работать по системам Михаила Чехова и Ежи Гротовского, чтобы научить актеров «излучать», работать с энергией. В нашем спектакле «Калека из Инишмана» очень простые декорации, они не меняются. Вроде все просто, но это подлинное, деревянное, живое... И вдруг происходит магия переноса, словно зритель перелетает в новое пространство, там живет и забывает, что находится в театре. Для достижения этого эффекта я постоянно занимаюсь тренингами в своей лаборатории и за 30 лет жизни театра понял, что по многим параметрам выполнил свою миссию – создать лучший театр в мире. Я придумал проекты, которых нет нигде. Допустим, каждую субботу мы играем четыре спектакля подряд – нет такого в мире, никто не умеет. Мы – умеем. Более того, в нашем репер-

Сцены из спектакля «Ханума»

туаре есть спектакли, которые нигде в мире не идут. Они связаны с мистикой – «Дракула» и «Франкенштейн»... «Дракулу» мы тоже играем четыре раза подряд в субботу. Эти проекты действительно уникальные.

– Играть по четыре спектакля в день – это же огромная нагрузка!

– Да, это очень трудно. У меня на все спектакли по два-три состава. Поэтому два спектакля играет один состав. А потом подключаются второй и третий.

Ни в одном театре мира не проходят ежедневные тренировки, как у нас. Актеры к нам притягиваются, как магнитом – как я притянул МакДонаха. «У Моста» обладает мощной энергетикой. Из разных концов России приезжают люди пробоваться в мой театр. Я обычно никому не отказываю. Беру в стажерскую группу десять человек. И они варятся в нашем соку, а к концу сезона я оставляю два-три человека. Остальные, «поварившись», тоже приобретают опыт и уходят в другие театры. Оставляю я тех, кто близки моему методу... Например, Сережа Мельников пришел к нам в театр и ничего не умел. Он окончил театральное училище, однако не имел высшего образования. Но наш метод обогащает актеров. И еще, я никогда не даю актерам одинаковые роли. Каждый новый спектакль – совершенно полярные творческие задачи. У меня нет стереотипов, типажей, амплуа. Сережа Мельников, который играл вчера Бартли, зав-

тра может выйти в образе Мышкина. Или Луки из «На дне». Потрясающе! Лучшего Луку вы не видели! Замечательный Володя Ильин, работающий в театре 28 лет, играет Микича в «Хануме», а в «Калеке» – Малыша Бобби...

– Вы часто употребляете слово «мистический». Что вы вкладываете в это понятие, когда речь идет о ваших спектаклях?

– Не чертовщину. Хотя все мои спектакли связаны с потусторонним миром. Но в потустороннем мире есть и белые, и черные силы. Я всегда с белыми силами и борюсь с черными силами. По завершении нашего спектакля «Панночка» по «Вию» Гоголя зрители переживают катарсис. Они понимают, что Хома Брут все равно победил дьявольщину, что он закрыл эту страшную дыру. Все мои спектакли разные. Но даже у моих уродиков из Ирландии душа светлая. Все спектакли мои – о любви, человеческой доброте. Самое главное то, что из нашего театра зритель выходит просветленным. Эта энергия питает его. Многие не знают МакДонаха. Но постепенно-постепенно, по мере развития действия наполняются и выходят из зала с невероятной энергией. Все спектакли мои так построены.

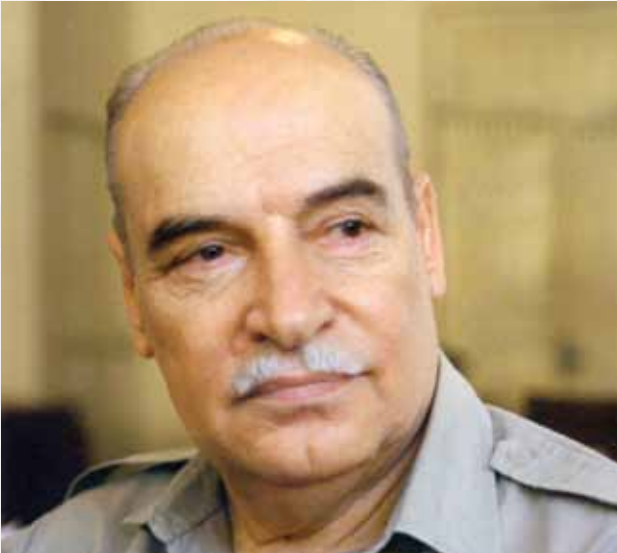
– Кроме МакДонаха, вы не ставите современных авторов?

– Очень редко. Есть один спектакль – «Курица» Николая Коляды, который идет уже 15 лет.

Я не могу найти авторов уровня МакДонаха. Мне не хватает однослойности большинства этих пьес. Я бы поставил... Да, у нас еще идет «Сансара» Олега Богаева – и все! В нашем репертуаре постоянно 10-15 спектаклей. И еще: я никогда не прекращаю репетировать свои постановки. «Панночка» идет у нас 27 лет, и я продолжаю работать над спектаклем. «Женитьба» идет 25 лет, «Мастер и Маргарита» – 15. Это спектакли-долгожители. 29 лет у нас аншлаги. Где бы мы ни играли – в России или за ее пределами. И многие зрители смотрят мои спектакли по многу раз. Они чувствуют их энергетiku, им не хватает этого.

– А куда собираетесь двигаться дальше?

– Собираюсь бороться с театром постмодернизма, показывая живой, настоящий театр. Хочу открывать зрителью глаза: вот что такое классический театр! Он простой, но он великий. И вечный бой! Потому что я уверен – мы победим! Все равно мы оставляем после каждого нашего спектакля людей, которые испытали катарсис. Театр должен говорить о Боге, о добре. Хотя есть спектакли, театры, которые развращают зрителя, отравляют его веру в жизнь, наступают депрессия. А мы должны идти вперед и показывать свой театр как можно больше и везде. Кстати, когда «У Моста» на выезде, спектакли в Перми продолжают играть каждый день. И у нас нет выходных.

Леонид Джахая

Родился в 1932 в Сухуми, там же окончил среднюю школу с золотой медалью. В 1963 году в ТГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему «О природе человеческого знания», в 1970 году в МГУ – докторскую диссертацию на тему «Классификация наук как философская и науковедческая проблема», в которой представил новую классификацию всех наук, известную под названием «Классификация наук Л.Г. Джахая». В 1994-2006 годах – декан факультета и зав. кафедрой философии и социологии в Сухумском филиале ТГУ (в Тбилиси). В 1996-2011 годах – вице-президент Академии педагогических наук Грузии.

Стихотворения

ПЯТЬ ВЕЛИКИХ ИМЕН

Есть в Грузии великих пять имен,
которых произносят без фамилий:
Шота, Илья, Акакий, Важа

и Галактион, –
Поэтами большими они были
и создали грузинский Пантеон.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ШАИРИ...

Я люблю тебя, шаири, полюби меня и ты!
На меня, грузина, льешь ты свет
надежды и мечты,
Есть в тебе очарованье долговечной красоты,
Неумно половодье жизни, правды, доброты!

Я люблю тебя, шаири, полюби и ты меня!
Как красавица-невеста, ты избранница моя,
Современному модерну предпочел
навек тебя,
Ты постарше, посерьезней, можешь все
легко понять.

Я люблю тебя, шаири, и меня ты полюби!
Разделить готов я участь
руставелевской судьбы.
Лучшего стиха на свете нет под небом
голубым, –
Никого ни разу в жизни ты бесславно не губил.

Полюби меня, шаири, так, как я тебя люблю!
Твое плавное звучанье я весь день
на слух ловлю,
Я считаю твои слоги, если даже крепко сплю!
Полюби меня, шаири, так, как я тебя люблю!

* * *

Когда я хочу быть очень счастливым,
Я зажмуру глаза и на миг торопливый
Вижу детство свое: горожанин-мальчишка
По деревне шагает в коротких штанишках...

В летний солнечный день
на шелковице грузной
Восседает верхом, уплетая – как вкусно! –
Ее спелые ягоды, – соком их черным
Перепахканы руки – ничуть не зазорно!..

Если дождик прошел, – нисколько не хуже:
Босиком – брызги врозь! – лихо скачет
по лужам,
Состязаясь с бегущей рядом собакой –
Непородистой, доброй и верной дворнягой...

Вспоминаю еще: мальчуган-доброволец
Помогает полоть кукурузное поле,
Вдвое, втрое выше его кукуруза,
Но они понимают друг друга и дружат,

Кукурузе ведь нужен уход, – зная это,
Мальчуган прополол ее трижды за лето,
Здесь и труд и игра, – они побратимы,
Как растение с мальчиком, – неразлучимы.

Не поэтому ли, когда к речке спускаясь,
Он промчится сквозь поле, друзей обнимая,
Кукурузные стебли царапнут невольно,
Но ему не обидно совсем и не больно...

Ближе к осени честно свои же ограбит
Виноград и инжир, хурму и унаби...
Миг пройдет, будто сон, и исчезнут виденья,
Но я счастлив! И долго храню ощущение

Того счастья большого. – На всем белом свете
У меня счастья большего не было – нету...

Доктору философских наук, профессору Леониду Григорьевичу Джахая исполнилось 85 лет. Редакция журнала «Русский клуб» поздравляет юбиляра и желает ему крепкого здоровья, новых научных и литературных достижений.

Роберт Иванович Стуруа

СТОЛЕТИЕ МАСТЕРА

■ Анна НЕВЕРОВА

В Национальной картинной галерее имени Дмитрия Шеварднадзе прошла выставка работ видного художника-монументалиста, народного художника Грузии, лауреата Государственной премии СССР Роберта Ивановича Стуруа. Событие было приурочено к 100-летию юбилею мастера и вызвало большой интерес в Тбилиси. На открытие пришли представители культурной элиты Грузии, и, конечно, сын художника – прославленный режиссер Роберт Стуруа-младший.

Были экспонированы портреты, пейзажи, натюрморты, репродукции театральных декораций, эскизы росписей плафонов, рукописи, фотографии, карандашные наброски, а также инструменты художника – кисти, краски.

Роберт Стуруа – не только замечательный художник-монументалист, но и мастер женского портрета. Его модели – прекрасные грузинки. Среди них – близкие и родные художника, которых он рисует много и охотно, известные актрисы Медея Джапаридзе, Марина Тбилели (последняя работа художника) и другие, поэтесса Анна Каландадзе. Последняя запечатлена на экзотическом зеленом фоне с маками. Это мифопоэтический образ, символ неуядаемой молодости, красоты и женского очарования. Невольно

вспомнились стихи Беллы Ахмадулиной, назвавшей Анну Каландадзе «сообщником природы». «У трав, у луны, у тумана и малого нет недостатка. И я понимаю, что Анна – явление того же порядка», – пишет Белла.

Привлекает внимание и большой портрет Нино Арсенишвили в платье изумрудного цвета на алом фоне – торжество юности и красоты. Девушка изображена со вскинутыми руками – словно птица, готовая вспорхнуть. Не меньше впечатляет нафантазированный, мифологизированный образ еще одной прекрасной грузинки – царицы Тамары.

Художник работает в разных техниках: масло, темпера, пастель, карандаш, акварель, в смешанной технике.

Особая тема в творчестве художника – религиозная. Мы наслаждаемся пейзажами с церквями Светицховели, Алаверди, картиной «Девушка из церкви», на переднем плане которой – молодая монахиня с выразительным, аскетичным лицом. Излюбленная цветовая гамма Роберта Стуруа в этой серии – зеленые оттенки. Это, если так можно выразиться, суровая, лаконичная живопись – как и сама грузинская храмовая архитектура.

Особый интерес посетителей вызвало огромное полотно,

классический пример соцарта в живописи на тему, характерную для эпохи, в которой творил Роберт Стуруа, – оно называется «Праздник осени» (роспись плафона в зале театра им. Акакия Церетели в Чиатуре, за которую художник был награжден Сталинской премией второй степени). Пиршество эмоционально насыщенных, ярко-красных, желтых, оранжевых, зеленых красок буквально завораживает, наполняет радостью жизни, оптимистическим мироощущением. Прочитывается и мифологический дискурс – в первую очередь, в образе юной всадницы. Большой кувшин, гроздь винограда вызывают ассоциации с древнегреческими празднествами в честь бога растительности, винодарства и виноделия Диониса.

Кроме «Праздника осени», Роберту Стуруа-старшему принадлежит роспись плафона «Дружба народов» в Доме культуры села Шрома Озургетского района, «Добро побеждает зло» – в Доме культуры шахтеров в Ткибули и многие другие работы. Художник интересно реализовал себя и в книжной графике: Роберт Стуруа – автор иллюстраций к произведениям Илии Чавчавадзе и Важа Пшавела.

Режиссер Роберт Стуруа рассказал о своем замечательном отце:

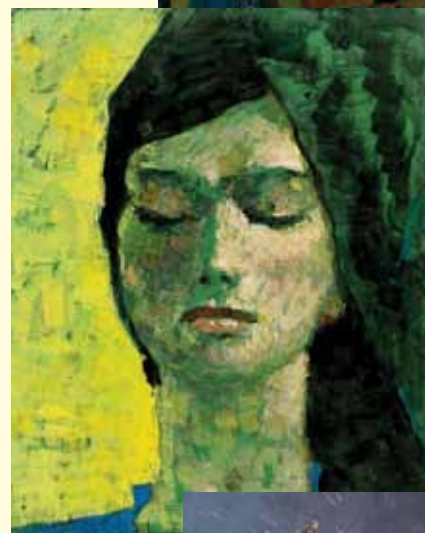
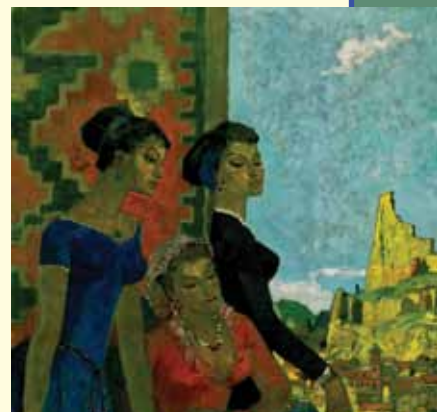
– Две истории, быть может, смогут разъяснить, каким необыкновенным человеком был мой отец – красавец, настоящий рыцарь, типичный представитель тифлисской богемы, быть может, «последний из могиан» нашего города. Хотя отец появился в городе в начале двадцатых. Ведь детство он провел в селе Набакеви, близ знаменитого еврейского поселения Кулаши. Откуда и появилось столь экзотичное, совсем не имеретинское имя – Роберт. Дело в том, что отец моего отца – Ваню Стуруа, мой дедушка, был известным большевиком (по его рекомендации в коммунистическую партию был принят Иосиф Джугашвили, то бишь, Сталин!). Естественно, отца моего не посмели крестить: перед ссылкой дед мой приказал не крестить сына. И вот рос будущий художник без имени, вызывая насмешки среди крестьянских детей. Однажды в деревню приехал дядя

отца – Георгий Стураа (отец известных в стране людей, Мэлора и Дэви Стураа), тоже известный революционер. Отец пожаловался ему, что жить без имени ему уже невозможно, и попросил как-то решить эту проблему. И вот дядя Георгий рано утром разбудил своего племянника, повел в поле, раздел, поднял в воздух, бросил на землю и прокричал: «С сегодняшнего дня ты Роберт! Роберт Стураа!» (В то время Георгий был увлечен трудами известного английского экономиста Роберта Оуэна, – вот откуда взялось это имя). Потом появился я, тоже Роберт. Более того, отец попросил меня, чтобы своего сына я тоже назвал Робертом. «Кто-то из Робертов Стураа, – шутил отец, – попадет в историю, и пусть выяснят, какой из Робертов!» Но моя жена была категорически против, напомнив мне вереницу Людовигов в истории Франции: «Вы не Бурбоны, хватит!».

Мне было 19 лет, когда отец вместе с друзьями крестил меня в Светицховели! Я стал Георгием! Но имя не прижилось! Так же, как и Константин не стал именем моего отца. Напомню, что Стураа были крепостными князей Микеладзе, и княгиня Ниночка Микеладзе (она давала уроки русского языка моему отцу) тайно крестила будущего художника из семьи ортодоксальных революционеров под именем Константин! Но и оно не прижилось! В итоге и он Роберт, и я!

Несколько лет отец осваивал технику монументальной живописи. Для этого он поступил в московскую аспирантуру, в класс известного художника-монументалиста Е.Е. Лансере. В 1945 году в городе Чиатура строился театр (по проекту К. Чхеидзе), и молодому Роберту Ивановичу предложили расписать плафон на тему Победы! А ниши – портретами великих грузинских артистов. А молодому скульптору В. Топуридзе было предложено на фасаде театра установить статую Победы. Художнику Роберту Стураа выдали аванс, который быстро был истрачен в бесконечных застольях. И он взялся за работу. Был создан эскиз плафона. Куплены штабеля холста, минеральные краски, масла, растворители и тысяча куриных яиц! Напомню, что в послевоен-

ные годы темпера в тубиках не продавалась, нужно было самому изготавливать ее, смешивая сухие, хорошо измельченные в ступках краски с яичными желтками – как делали художники Ренессанса. Все приобреталось в долг. Нас с сестрой кормили яичницей из белков. Потом еще долго меня мучило от омлетов... Наконец, все было закончено. Театр готов, плафон великолепно смотрелся. В нишах красовались Верико Анджапаридзе, Ушанги Чхеидзе, Медея Джапаридзе, Акакий Хорава и Акакий Васадзе. Вся наша семья с нетерпением ждала, когда же измученному художнику выдадут деньги за человеческий труд. Даже если кистью просто выкрасить потолок, то и это каторжная работа. Но почему-то отцу денег не давали! В это время прошел слух, что ожидается денежная реформа и большие суммы по приказу свыше выдадут только к Новому году, чтобы люди не успели поменять деньги. И вот 27 декабря 1947 года моего отца вызвали в Чиатура и вручили ему значительную сумму денег. В сберкассах меняли только 2000 рублей, остальные – десять к одному. Отец даже не думал становиться в длиннющие очереди обездоленных людей! Комиссионные были пусты. А в гастрономах продавали шампанское и протухший шоколад. Сел мой отец на поезд и поехал в Зестафони! Между Чиатура и Шорапани курсировала узкоколейка. Выглянув в окно поезда, художник увидел потрясающий имеретинский пейзаж. И опустил стоп-кран! «Друзья! – обратился он к пассажирам. – Нам некуда спешить, а у меня есть деньги! Пошлем мальчиков вот в ту деревню, – говорил он, передавая детям пачки сторублевок, – пусть купят у крестьян вино, быстро, как это делают здесь, в Имерети, напекут хачапури, зажарят цыплят, бажэ, ткемали не забудьте! Горячие мчиди и сыр! И будем кутить, нам уже нечего терять!» И вот представьте почти сюрреалистическую картину: за столами, сбитыми на скорую руку и заставленными фантастическими яствами, сидят пассажиры и пируют, а тамада, мой отец, произносит необыкновенные тосты. А в Зестафони в это время паника, поезд из Чиатура не при-

Работы Роберта Стураа

шел! Если авария, то начальника станции – в Сибирь (это 1947 год)! Посылают для выяснения обстоятельств дрезину с начальником станции и... не верят глазам своим! И они – тоже за стол: кутеж продолжается! А на станции уже точно решили: катастрофа на путях, и, наверное, много жертв! Отправляют на помощь санитарный вагон с врачами! А пир длился до утра... Первого января 1948 года отец разбудил меня и дал 25 новых рублей. Все, что осталось от гонорара за плафон «День Победы».

Ладо Асатиани с друзьями. 1934

ЮНОШИ НАВЕКИ

К 100-летию со дня рождения Ладо Асатиани

■ Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевод с грузинского Камиллы Мариам Коринтэли

Поколение грузинских поэтов довоенных годов (Имеется в виду Великая Отечественная война. – Прим. пер.), мы всегда будем вспоминать с особым теплом и благодарностью. Им выпала очень тяжелая участь – кто погиб на фронтах Второй мировой войны, кто стал жертвой репрессий 30-х годов, либо угас от смертельной болезни. Об одном из выдающихся представителей этой плеяды – Ладо Асатиани – и его ровесниках и братьях по перу написал прекрасную волнующую книгу воспоминаний «Юноши остались навсегда» их старший друг, известный литератор и переводчик Ника Агиашвили. Эта книга сохранила потомкам живые образы отмеченных неувыдаемым талантом творцов. Безвременная гибель блестящей троицы – Ладо Асатиани, Мирзы Геловани и Александра Саджая – стала огромной утратой для грузинской поэзии.

Особо следует отметить два ярких таланта – 25-летнего

Котэ Химшиашвили, которого ждало большое литературное будущее, чьи первые, смелые и впечатляющие новеллы привели в восторг Михаила Джавахишвили, и наделенного столь же ярким дарованием молодого поэта, автора безукоризненных переводов стихов Роберта Бернса Георгия Дзигвашвили. Обоих вместе с другими молодыми грузинскими патриотами по решению советского суда безжалостно расстреляли прямо в тюрьме.

Скорбная участь постигла и столь тонкого лирика, блестящего переводчика Эдгара По и других английских поэтов Александра Саджая, чья утонченная поэзия проникнута печальными колхскими мотивами. Находясь в Сванетии, в гостях у друга, поэта Реваза Маргиани, он, после купания в холодных водах горной реки, получил воспаленные мозги и скончался. Его тело перевезли в родную деревню в Мегрелии. Все это с большой экспрессией и драматизмом

описал известный писатель, эссеист, замечательный переводчик английской литературы и общественный деятель, ныне покойный Вахтанг Челидзе. Примечательно, что нынешние молодые грузинские поэты примерно того же возраста, в котором были их уже далекие предшественники, ничем особенным не привлекают внимания и не могут утвердиться в литературе. Это весьма тревожный факт и заставляет задуматься.

История литературы знает немало фактов, когда наделенные необыкновенным дарованием поэты, несмотря на раннюю, преждевременную гибель, в юности же обретают

Ладо Асатиани

творческую зрелость и оставляют глубокий след в нашей духовной жизни. В подтверждение этого вспомним хотя бы Джона Китса и Михаила Лермонтова, которые стали выдающимися фигурами в мировой поэзии.

В центре вышеназванной книги Ники Агиашвили стоит Ладо Асатиани. Из двадцати шести лет его кратковременной жизни интенсивное творчество заняло всего пять-шесть лет.

Л. Асатиани с супругой Анико

Одoleваемый страшным недугом, туберкулезом, от которого тогда не существовало излечения, он, тем не менее, сумел оставить значительное и изысканное наследие, обогатившее всю грузинскую поэзию. Никто лучше Ники Агиашвили не знал внутренний мир Ладо Асатиани, своеобразие его стиха, удивительно меткий образный язык, потому не лишне будет привести обрисованный им динамичный и выразительный портрет поэта: «Он был высок, плечист, ходил всегда неторопливо, спокойным шагом. Зато в стихе и в беседе был стремителен, вмиг загорался, в горячем споре глаза его металы искры. Как всякий добрый человек, был вспыльчив, но отходчив и справедлив». Наиболее близким ему по духу другом был Мирза Геловани, его ровесник. Они, как близнецы, вместе гуляли по улицам Тбилиси, по проспекту Руставели. На известной групповой фотографии (октябрь 1934) они оба полулежат на переднем плане. Мирзе Геловани также исполнилось сто лет со дня рождения, и сегодня о нем тоже следует сказать несколько слов. Дружью юности Мирзы – Кетэван Пуллариа, Натэла Бердзенишви-

ли, Тинатин Очиаури, Тинатин Максимелашвили, Вахтанг Челидзе, Шота Ревишвили и др. – в один голос утверждали, что достаточно было раз в жизни его увидеть, чтобы полюбить навсегда. Паоло Иашвили называл его «юноша с берега Иори». Когда он находился на фронте, благодаря его характеру и обаятельной внешности повсюду, где он ни бывал, в России, Белоруссии, Украине, всегда его встречали тепло и радушно. Приведу отрывок из его письма родным в Тианэти, в августе 1941: «Я был в Москве с друзьями, всю ночь провел без сна и чувствовал себя свободным человеком, таким же, как в Тбилиси... Однажды мы стояли в небольшом селе. Я зашел в один дом и попросился на ночлег. Меня приняли. Какое-то время мы сидели одни – хозяин и я. Потом я вышел взглянуть на машины. А этот мой хозяин пошел к соседям и сказал: «У меня гость грузин, очень хороший гость». Все му селу сказали, все сбежались. Здесь впервые увидели грузина. Женщины прибежали. Не знаю почему, мне было весело. Начался пир. А потом все меня приглашали – пойдём ко мне, нет, идем лучше ко мне. Звали на чай, на ужин, и сколько еще

было таких дней! Я уже познакомился с Россией и мне радостно, что она такая приветливая».

Из этих строк уже явствует какой открытый и простодушный был Мирза. Он легко находил добрые тропинки к сердцам людей. И как горестно, что этот талантливый поэт и удивительно теплый молодой человек в расцвете сил пал сраженный врагом на земле Белоруссии, где и был похоронен.

Одним из прекраснейших и ярких воспоминаний моей юности и юности всего нашего поколения навсегда остался вечер поэзии Ладо Асатиани, состоявшийся в красивейшем зеркальном зале тбилисского Дворца пионеров и школьников, многолетняя деятельность которого сыграла огромную положительную роль в формировании и становлении нашей молодежи, весной 1954 г. (только после смерти И.В. Сталина это стало возможно). Вдохновителем этого поистине народного праздника была заведующая кабинетом литературы, несравненная воспитательница многих поколений поэтов и сама одаренный литератор, незаурядная личность Кетэван Ананиашвили. Она и впрямь была рождена педагогом.

Наши девочки, Тамрико Джавахишвили, Эльза Доквадзе, Нелли Габричидзе, Нелли Махарадзе и другие ухитрились напечатать в типографии намного больше билетов, чем насчитывалось мест в зале и раздали многим поклонникам поэзии Ладо Асатиани. На вечер собралось море народа, в основном молодежь. Зал был переполнен до отказа. Пришлось вызывать конную милицию. Не пустили в здание самого Константина Гамсахурдиа. Он прислал снизу записку – уж коли пригласили меня, дайте возможность присутствовать на вечере. Кетэван Ананиашвили помчалась к выходу, ввела его в зал и усадила с почетными, как и он, гостями.

Занавес раздвинулся и в глубине сцены на черном бархате появился вырезанный рукой

Ладо Асатиани. 1939

педагога Кетэван Ломтатидзе огромный красный мак – символ поэзии Ладо Асатиани. Зал взорвался аплодисментами. Содержательный доклад прочла поэтесса Тамрико Джавахишвили, будущая супруга и верный друг классика грузинской литературы Чабуа Амирэджиби. Выступавшие сменяли друг друга, в основном школьники. Выдающиеся артисты читали стихи Ладо Асатиани – Верико Анджапаридзе, Серго Закариадзе, Пьер Кобахидзе, Тариэл Сакварелидзе, Медея Джапаридзе, Медея Чахава и другие. Особенно волнующим было появление на сцене дочери поэта Мананы, тогда девочки лет двенадцати. Она прочла один из шедевров отца, стихотворение «Кладбище», которое сдается смертельным недугом поэт посвятил своей ничего не ведавшей лежащей в колыбели единственной дочери.

К сожалению, этот вечер не был записан на пленку, иначе наш золотой фонд обогатился бы этим материалом.

Художественный образ нежнейшего полевого цветка – мака в грузинскую поэзию внес

Ладо Асатиани. Мак стал и символом его творчества. Символ, как известно, отличается многогранностью значений. В одном из своих стихотворений поэт использует мак как образ прелестной застенчивой девушки. (Следует заметить, что в грузинском языке нет категорий грамматического рода). Чтобы читатель прочувствовал полнее красоту этого образа, приведу это небольшое стихотворение полностью, естественно, в переводе на русский язык, который срочно был выполнен для данной статьи:

Ладо Асатиани

Мак

Этэри Сванидзе

Когда-то войско здесь собирали под грохот труб и барабанов, а нынче мак меня приветил, красой девичьей осиял.

Приветил, искрами пометил, и сердце радостью зажег. Сказал: весна уже в расцвете у алучи стал сладок сок.

Но вдруг признав во мне чужого, головку скромно потупил и покраснел, того не зная понравился ли мне?..

1940 г.

Перевод Камиллы Мариам Коринтэли

Это стихотворение любители грузинской поэзии знают наизусть. Его влияние испытывали многие поэты. Отголоски его звучат и в лирике Анны Каландадзе.

Совершенно иным, боевым духом привлекает написанное в том же 1940 году стихотворение Ладо Асатиани «Маки Крцаниси» (Крцаниси – одно из старинных предместий Тбилиси). Оно посвящено памяти трехсот арагвинцев, молодых воинов с берегов Арагви, героически погибших при обороне Тбилиси в неравном бою с полчищами Ага-Махмад-хана. Маки, аляющие по всему Крцанисскому

полю, представляются поэту кровью самоотверженных воинов-арагвинцев. Все стихотворение словно струится красным цветом и последние строки рисуют коленапреклоненного перед могилами воинов молодого человека с изнуренным неизлечимой болезнью лицом – автора бессмертной оды.

В последние десятилетия отмечается странная и неприятная тенденция принижения и попраiania общепризнанных ценностей, резко нигилистического отношения к прошлому. Примеров таких набралось множество, что весьма прискорбно. Некий политик, профессор-филолог, у которого защита родины и борьба с ее врагами вызывает лишь смех, это блестящее стихотворение – «Маки Крцаниси» считает «мертворожденным». Но стоит ли удивляться высказыванию человека, который Илью Чавчавадзе вообще не считает писателем, а Давида Гурамишвили и Акаки Церетели ни во что не ставит. Эти свои «оценки» он не только высказывает, но и распространяет в интернете, сбивая с толку и отравляя молодежь.

Анико Вачнадзе и Ладо Асатиани с друзьями. 1939

Манана Асатиани и Анико Вачнадзе

Потомки Ладო Асатиани

Известный литератор и переводчик Паата Чхеидзе очень обосновано, но, пожалуй, слишком деликатно, ответил горе-«критику» в своей статье «Реплика по поводу постмодернистских камешков» («Литератури газети», N10, 2017). Но вряд ли это поможет подобным «мыслителям».

Не могу обойти молчанием очень болезненную для поэта часть его биографии. Родители Ладо были честнейшими людьми, оба – представители благородной профессии – педагоги. В 1937 году, мором прокатившимся по всей территории Советского Союза, мать поэта, Лидия Цкитишвили была арестована и сослана. Из ссылки несчастной женщине вернуться уже не довелось. Ладо посвятил памяти матери стихотворение, выражающее страстный протест против беззакония и варварства правительств. Это произведение, конечно было табуировано и лишь много времени спустя после смерти поэта увидело свет.

Один из выдающихся грузинских прозаиков, известный своей смелостью, Резо Чейшвили опубликовал его в редактируемом им литературном журнале «Гантиади» («Рассвет»).

Прекрасные стихи, посвященные Ладо Асатиани, написали в разное время его собратья по перу – Георгий Шатберашвили, Иосиф Нонешвили, Анна Каландадзе, Мурман Лебанидзе, Алеко Шенгелиа, Ладо Сулаберидзе, Джансуг Чарквиани, Вахтанг Джавахадзе...

Кроме книги Ники Агиашвили, и отдельных статей о жизни и творчестве Ладо Асатиани эссе, исследования, воспоминания писали о нем Симон Чиковани, Вахтанг Челидзе, Чабуа Амирджиби, Гурам Асатиани, Акаки Хинтибидзе и другие.

Его портрет писали многие грузинские художники, из них наибольшее одобрение заслужили работы двоих, которые не нуждаются в характеристике: Ладо Гудиашвили и Зураб Нижарадзе.

Вот уже почти тридцать лет, как Георгий Шхвацабаиа, удивительно скромный и щедро одаренный талантом скульптор, создал из мрамора скульптуру Ладо Асатиани. Мастеру удалось придать всей фигуре эту элегантную простоту, которая присуща была поэту. Работа выиграла несколько конкурсов, но и только. Автора даже не удостоили ответа. Места в Тбилиси ей не нашлось по сей день. Остается радоваться, что именем Ладо Асатиани названа одна из красивейших улиц в Старом Тбилиси, а также надеяться, что, может быть, юбилейная дата послужит стимулом для воздания почести человеку, который прожил так мало и сделал так много. Сто лет минуло со дня рождения вечных юношей, но написанное их неподкупным пером не утратило своей силы и красоты, не выцвело. И не угасает сияющий ореол над их именами.

ФУТБОЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

■ Демико ЛОЛАДЗЕ

«Владимир Баркая играл в такой футбол, в который будут играть и через 100 лет», – эти слова не нуждаются в комментариях, они сказаны начальником Управления по футболу грузинского Спорткомитета Нодаром Ахалкаци в 1973 году.

Один из лучших футболистов всех времен тбилисского «Динамо» Владимир (Сема) Баркая был настоящим талантом в 60-х годах прошлого столетия, творившим чудеса на зеленых футбольных полях. Чтобы посмотреть его игру, тысячи зрителей заполняли стадионы не только в Грузии, но и во всех городах Советского Союза.

В. Баркая был редким тактически мыслящим футболистом, блестящим организатором контратаки, диспетчером состава игроков, как сказали бы сейчас, плеймейкером. У него было отличное видение игрового поля, он блестяще играл и увлекал за собой одноклубников. Он остро чувствовал игру партнера, а также пас мяча и в совокупности с высочайшей техникой становился очень опасным игроком как в командной, так и в индивидуальной игре.

Владимир Баркая родился

в Абхазии, неотделимой территории Грузии, в красивейшем городе Гагра, где очень любили солнце, море и футбол. К футболу у гагринцев было особое отношение, наверное, потому, что у морского городка была богатейшая традиция игры в футбол. Сема и его друзья много слышали о футболистах и об игре «предков», что особенно важно было для детского восприятия и увлеченности.

У Баркая и его друзей никогда не было настоящего футбольного мяча. Это была их мечта, они довольствовались старым теннисным мячом, играли даже босые и мечтали о большом футболе. Владимир помнит первую официальную встречу, ему было 14 лет, когда он сыграл в команде сборной Гагры со старшими. Это был матч с сильной командой Абхазии – сухумским «Динамо». Он волновался, к неопытности добавлялась стыдливость и уважительность к старшим, что естественно было для молодого футболиста.

Первого воспитателя помнят все, и Сема с большой теплотой вспоминал своего первого тренера Виктора Кобелянского. Он не был профессионалом, но был влюблен в футбол и с большим энтузиазмом передавал моло-

С. Каландадзе. П-т Владимира Баркая

дым свои знания.

В становлении Баркая футбольным мастером большую роль сыграл перевод в гагринскую спортшколу. В то время это было наилучшей ступенью для повышения, ведь школа вырастила много отличных спортсменов.

В. Баркая опять пригласили в гагринскую сборную. В нем прибавилось уверенности в собственной силе, и психологически он был готов играть в команде старших. Тогда тренером гагринского «Буревестника» был Резо Шартава – внимательный, строгий и справедливый воспитатель. Собралась талантливая молодежь, и на чемпионате Абхазии заняли первое место,

получив право на выступление в первенстве во второй группе.

Весной 1956 года в тренировочных встречах на берегу Черного моря принимал участие тогдашний старший тренер футбольной команды киевского «Динамо» Олег Ошенков. Ему очень понравился футболист-десятиклассник гагринской школы Баркая, и он пришел в семью Баркая с предложением перевести мальчика в Киев. Почти договорились, Сема через три месяца должен был ехать в Киев. Через некоторое время с аналогичным предложением пришел Абрам Дангулов, старший тренер ереванского «Спартак». Но большой Андро Жордания опередил всех.

В 1956 году в Сухуми и Гагре состоялись отборочные встречи талантливых футболистов. Группу селекционеров возглавлял сам Андро Жордания. Посмотрев игру гагринских футболистов, пришел в восторг и не пропустил ни одной игры этой команды. Особенно ему понравился игрок В. Баркая, он взял его в сборную школы молодых футболистов Грузии. В сборной вместе с Владимиром играли Анзор Квачадзе, Роберт Чанчалеишвили, Гари Сордия, Анатолий Иванов, капитаном команды выбрали, к сожалению, недавно скончавшегося Зураба Соткилава – будущую звезду оперного театра. Наша сборная хорошо выступала на турнире в Ленинграде (Санкт-Петербург). В финале 2:0 выиграла у сборной Украины и вернулась на родину с титулом чемпиона.

В 1956 году Баркая поселился на дигомской базе. Сначала ему было трудно – не мог привыкнуть к котлетам, «солянке» с кислыми огурцами. Большинство его соратников были тбилисцами и на обед ездили домой, а он скучал по своей любимой бабушке Зине Коркия, которая умела готовить вкуснейшие блюда: харчо, гоми, рыбу. Но он терпел, так как очень хотел играть в знаменитой тбилисской команде.

Тогдашний тренер «Динамо» Гайоз Джеджелава доверился молодому игроку и через

некоторое время надел на него майку клуба. Сема не верил самому себе – он игрок основного состава! Правда сезон давно закончился, товарищеская игра с «Торпедо», но «Динамо» остается «Динамо»...

Сезон 1957 года для В. Баркая не был «потерянным». Десять раз он надел майку основного состава. На первенстве СССР свой первый гол забил в ворота московского «Динамо». В футбольном сезоне 1959 года он неожиданно блеснул, забив шесть голов в ворота противника в шестнадцати играх. Каждый забитый мяч достоин памяти, так как для нашего «Динамо» эти голы были забиты в принципиальных встречах. 25 июля в Москве состоялся матч между московским «Спартаком» и тбилисским «Динамо». В тот день Сему на поле персонально опекал знаменитый русский футболист, капитан команды сборной СССР Игорь Нетто. Он уже был в зените футбольной славы, но ничего не смог сделать против грузинского нападающего, который сыграл один из незабываемых матчей в своей футбольной карьере. Тогда тбилисское «Динамо» проигрывало «Спартаку» 1:3. Сему взорвало, и он забил три гола подряд в ворота «Спартак», и динамовцы вырвались вперед.

Игра закончилась со счетом 5:4 – победой грузинских спортсменов. Эту встречу признали самой успешной игрой. 11 сентября в Москве тбилисцы выиграла 2:1 у местного «Динамо» – оба гола забил Владимир Баркая. В. Баркая постепенно становился ведущим футболистом команды, и болельщики моего поколения удивлялись тому, что его не приглашали в состав сборной СССР. В начале шестидесятых сборная СССР свой подготовительный период проводила в Тбилиси, в свободное время спортсмены устраивали встречи в разных организациях. На одной из таких встреч старшего тренера сборной Гавриила Качалина спросили, почему Баркая не зовут в сборную, он ответил: «Во-первых, он физически слаб и не может играть в полную силу оба тайма, во-вторых, он морально неустойчив». Услышав такой ответ, кто-то из зала выкрикнул: «Тогда в состав сборной заберите нашего секретаря райкома, он политически подкован и морально устойчив». Позднее Г. Качалин так охарактеризовал «морально неустойчивого» В. Баркая: «Он игрок остро комбинационного стиля, высоко интуитивный, с широким горизонтом видения игры. Для каждого спортсмена хороший партнер,

Единоборство В. Баркая и В. Шустикова. 1964

Майя Абашидзе со своим мужем

его технические возможности довольно большие, в атаке действует активно и энергично».

В 1962 году, 15 июня на стадионе им. Михаила Месхи (бывшем «Буревестнике») тбилисцы принимали московский «Спартак». Как всегда на месте правого полусреднего чувствовались комбинационное чутье и индивидуальная игра Владимира Баркая, которые повлияли на игру команды: пасы с нужной точностью, взаимопонимание фланга с центром значительно урегулировались. Счет в начале игры открыл Баркая, он в сложной ситуации получил мяч, мастерски обработал его и точным ударом забил в ворота противника. Это был юбилейный «тысячный» гол, который тбилисское «Динамо» забило во встречах за первенство СССР.

В 1964 году тбилисское «Динамо» впервые в истории стало чемпионом СССР. В. Баркая со своими достойными одноклубниками стал обладателем золотой медали. В 1965 году Владимира наконец-то «заметили» и пригласили в сборную СССР. Дебют Семы в игре с датчанами оказался блистательным. Из шести забитых мячей в ворота два гола принадлежали Баркая. В 1965 году, 4 июля в Москве мы стали свидетелями исторического события: встречи футболистов сборной СССР с чемпионами мира – бразильской командой. В этой незабываемой игре принимали участие

пять грузинских футболистов – М. Месхи, С. Метревели, В. Баркая, Г. Сичинава, А. Кавашвили. Команда Пеле и Гарринча преподнесла футбольный урок игры и победила 3:0. То, что случилось в тот день в Лужниках, своей значимостью и содержанием превышало все, что было до тех пор. Это был современный футбол, истинная академия, которая зримо показала зрителям не только великолепную, ни с чем не сравнимую, блестящую, безграничную и богатейшую фантазию, которая была вплетена в игру футбола

мьер-министром России. Один фотокорреспондент отдельно сделал фото Баркая и Сичинава. Знаменитый спортсмен и общественный деятель Никита Симонян, которому в прошлом году исполнилось 90 лет, сказал им: «Я тоже должен быть с вами, гагринцы, я ведь бывший сухумец». Главные события произошли на банкете. Симонян назначил тамадой Анзора Кавашвили и сказал: «Быть тамадой – это дело грузина». Анзор достойно повел стол, много чего вспоминали, шутили, были воспоминания со слезами по Миха-

Сборная СССР. В. Баркая (четвертый слева). 1965

60-х годов XX века. Мы смотрели, как можно и нужно играть в футбол.

Блокировать на поле короля футбола Пеле поручили Георгию Сичинава, он ни на шаг не отставал от Пеле. Острословие Баркая всем известно. Маленькому Сичи он сказал: «Остановись, что ты бегаешь за Пеле, стой и смотри – любуйся его игрой». Говорили, как будто В. Баркая после игры с бразильцами сказал: «Я думал, что играю в футбол», но в футболе, если кто-то и выделялся отличной игрой, это был герой нашей статьи.

28 августа 1996 года в Москве состоялась товарищеская встреча с бразильской сборной. До матча Союз российских футболистов специально пригласил тех игроков, которые играли в 1965 году с бразильской сборной. Почетными гостями из Грузии были В. Баркая, Г. Сичинава. Все почетные гости расположились в ложе рядом с пре-

илу Месхи и Валерию Воронину – вечная память. В начале застолья, когда Валентин Иванов попросил слово (кто бы отказал такой личности), все, затаив дыхание, слушали его: «Хочу выпить за жемчужину советского футбола – за грузинский футбол», а Никита Симонян добавил: «Я тоже из грузинского футбола». Этот эпизод мне рассказал В. Баркая, вернувшись из Москвы.

Трагические обстоятельства вынудили В. Баркая покинуть Абхазию, о чем по сегодняшний день он очень переживает.

От имени многочисленных болельщиков поздравляем Владимира Баркая с юбилейной датой – восьмидесятилетием! Хочу сказать ему слова благодарности за удовольствие, которое дарил своей виртуозной игрой в команде грузинского футбола.

Мария Гамбарян

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

■ Наталья Ивановна ТАМАМШЕВА

Перелистывая семейный альбом, невольно задумываешься о судьбах своих предков. Все они прошли непростой жизненный путь.

Так Георгий Иванович Тамамшев, двоюродный брат моего деда, Гавриила Тамамшева, родился в семье миллионеров Тамамшевых. Образование получил в Императорском Московском университете (медицинский факультет). Защитил докторскую диссертацию в 1891 году. В 1892-м работал в Париже, в Институте им. Пастера в лаборатории химической бактериологии. В 1894 году в Вене практиковал в известной фирме «Allegemeine Kranhays».

С 1845-го трудился в лаборатории по физиологической химии у профессора А. Данилевского (при Императорской Военно-медицинской академии).

В Тбилиси работал врачом отоларингологом. Уже в очень пожилом возрасте был и моим врачом.

Он первым сделал противохолерную прививку, причем опробовал ее на себе.

Открыл в Тифлисе школу для глухонемых.

Высокообразованный интеллигент, примерный семьянин. У него было четверо детей: Соня, Люся, Нина и Евгений. Все три сестры были красавицами. Софья Георгиевна, ученый-ботаник, жена академика Степана Гамбаряна. Их дочь – Мария Степановна Гамбарян, профессор Академии им. Гнесиных, и по сей день живет в Москве, на Арбате и в возрасте 90 лет продолжает давать концерты и мастер-классы.

Люси Георгиевна, легендарный музыкант, тоже жила в Москве, а Нина Георгиевна Тамамшева, заслуженный художник-портретист Грузии, двоюродная сестра моего отца, жила в Тбилиси, на проспекте им. Плеханова (сейчас проспект Давида Агмашенебели) в 1909-1971 гг..

Она является автором портретной галереи из-

вестных деятелей грузинской культуры, в частности, Ш. Дадиани, А. Мачавариани, А. Гудиашвили, Г. Сесиашвили, Н. Гаприндашвили, Д. Уznaдзе, Т. Котрикадзе, А. Ццунава.

Она участвовала почти во всех художественных выставках, проводимых в Грузии.

Ею написана картина «Распятие Христа», которая никому не известна, кроме нашей семьи. Эту

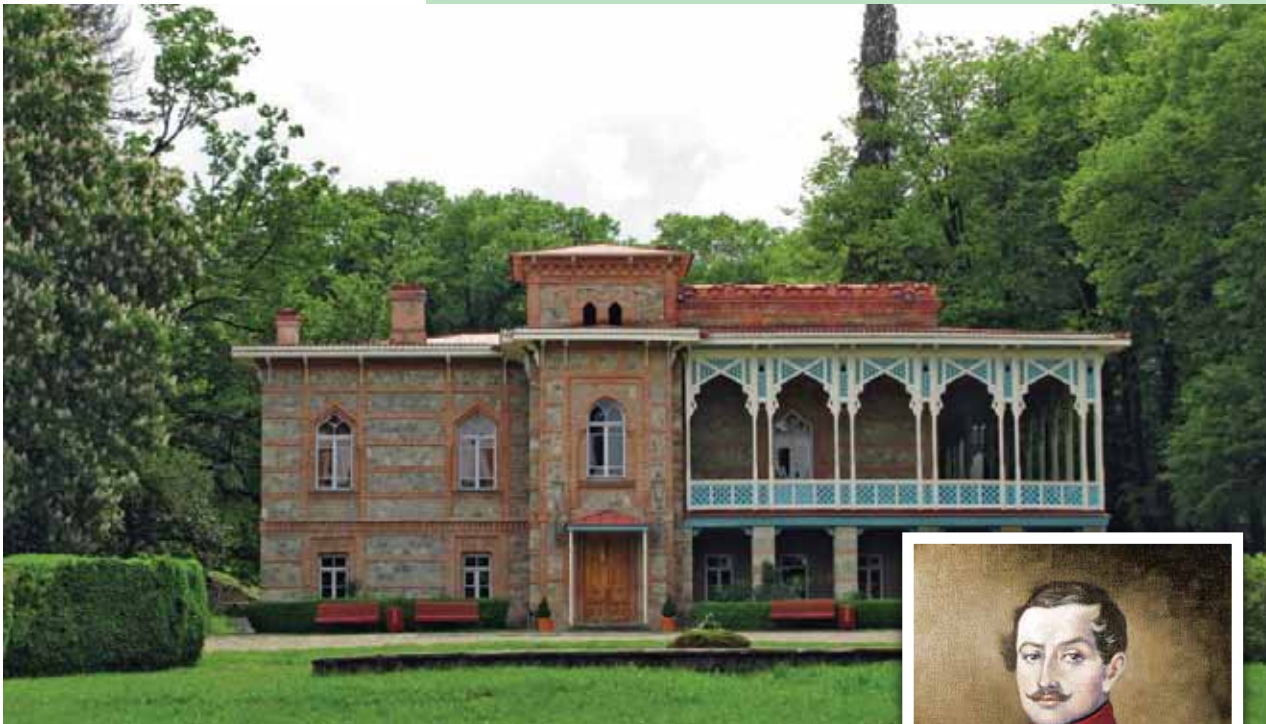
Нина Тамамшева

картину она написала по просьбе моей бабушки, Екатерины Левановны Тамамшевой, и ей же была подарена. Картина хранится в моем доме. Нина Георгиевна обладала необыкновенным чувством юмора, собирала и подклеивала шутки и анекдоты в специальный альбом, знала наизусть все стихи Пастернака, она нарисовала генеалогическое древо своих предков. Нина Георгиевна стала второй женой профессора Академии художеств Вахтанга Норашеновича Джапаридзе. Часто они писали картины вместе.

Он был общительным, прекрасно воспитанным, галантным красавцем. Отец его, Ношреван Джапаридзе, был княжеского происхождения, за что и был расстрелян. Вахтанг Джапаридзе успешно выставлялся по всей стране. Его выставки, как и выставки Нины Георгиевны, имели большой успех. Он был маститым акварелистом, написал и выпустил несколько книг – пособий для начинающих художников для всех желающих освоить технику работы с акварелью. Семья Джапаридзе была близка с семьей Чавчавадзе. Он любил красоту во всех ее проявлениях, а моя тетька была известной красавицей.

К сожалению, на данный момент, в Тбилиси нет памятной доски на подъезде дома, где жили эти замечательные художники.

В любом случае, мы не должны забывать свою историю и талантливых людей, которые внесли немалый вклад в развитие грузинского искусства.

Цинандали

ПРОШЛОЕ ЖИВЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ...

■ Медея АБАШИДЗЕ

«Судьбы людей в эмиграции – это как осколки разбитого зеркала истории»

Позвонили от Чавчавадзе и сообщили, что на торжественное открытие реставрированного дворца в Цинандали из Америки приезжает Давид Чавчавадзе с супругой, прямой потомок известного грузинского поэта-романтика Александра Чавчавадзе – и они были бы рады встретиться со мной. Что ж, и я очень рада вновь встретиться с господином Давидом и его супругой, которые оказали мне очень теплый прием в Вашингтоне.

С Давидом Чавчавадзе я познакомилась в Вашингтоне, когда по итогам конкурса стала стипендиаткой Kennan Institute-a (Woodrow Wilson International Centre for Scholars). Приятной неожиданностью была встреча с Давидом Чавчавадзе, в доме которого институт снял мне квартиру. Давид со своей супругой жили в престижном районе Вашингтона в небольшом

двухэтажном доме, где мне был предоставлен один этаж.

При первой же встрече он произвел на меня неизгладимое впечатление. Несмотря на солидный возраст (ему было за 70), его внешность все еще хранила черты былой красоты и обаяния, а манеры отличались изысканностью и врожденным аристократизмом. У Давида четверо детей от двух браков: от первой жены Helen (Nell Husted) – Мария (Маруся) и Александра; от второй Judit Clippinger – Екатерина и Майкл (Мико), который пользовался большим успехом, как некогда его отец, у женской половины института, где он учился. Давид очень любил своего пасынка Павла (Пушу), сына его третьей жены Eugenie Smith (Жени).

Старшая дочь Маруся часто бывает в Грузии, она исполнительный директор фонда «Аме-

Александр Чавчавадзе

риканские друзья Грузии», созданного по инициативе бывшего вице-мэра Нью-Йорка Константина Сидамон-Эристави. Фонд помогает бездомным детям и сиротам. Александра – художник и писатель, живет в Нью-Йорке, где по предложению отца открыла Музей спичек. Младшая дочь Екатерина – сценарист и одновременно занята фермерством. Единственный сын Майкл (Мико) занимается туризмом, увлекается дайвингом.

В Вашингтоне Давид и его супруга окружили меня вниманием и заботой, стараясь разнообразить мое пребывание в чужой стране и в редкие свободные часы приобщить к своему обществу. По рекомендации Давида Чавчавадзе я была приглашена на новогодний бал к графу Ив.Оболенскому, где собрались представители аристократических семейств и известные общественные и культурные деятели России, Грузии, Европы и Америки. Правда, как Оболенский позже признался, прежде чем пригласить, он предвари-

тельно собрал сведения о моем происхождении.

Здесь я познакомилась с известным ученым, академиком Роальдом Сагдеевым и его супругой Сьюзен Эйзенхауэр, внучкой экс-президента США Дуайта Эйзенхауэра, графом Григорием Толстым (потомком Л. Н. Толстого), с С. Голицыным, Н. Трубецким, Долгоруковым, с другом Давида Чавчавадзе, черкесским князем Натибовым и его семьей, с бывшим вице-мэром Нью-Йорка Константином Сидамон-Эристави, с известным общественным деятелем Г. Залдастанишвили, издававшим в Америке газету на грузинском и английском языках, и многими другими.

В дальнейшем «после успешного дебюта», как шутливо отмечал Давид, граф Оболенский не раз приглашал меня на литературные вечера и культурные мероприятия. (Граф проникся ко мне симпатией и уважением, когда обнаружил, что приехавшая из далекой Грузии молодая особа знает и хорошо разбирается в творчестве В. Хлебникова, В. Ходасевича, В. Набокова и И. Бродского).

Теплые воспоминания связывают меня с храмом Св. Николая Чудотворца (Свято-Николаевский Собор), куда мы с семьей Чавчавадзе ходили каждое воскресенье и где собирались представители русской аристократической интеллигенции. Они принимали активное участие в церковной жизни: кто-то помогал в продаже свечей, некоторые готовили трапезу на нижнем этаже, куда мы спускались после службы, и начинались интересные беседы на религиозные и светские темы. Здесь царил дружеская, теплая атмосфера, которая помогла мне пережить многомесячное расставание с родиной, с близкими.

К сожалению, в Грузии американский писатель грузинского происхождения Давид Чавчавадзе – прямой потомок известного грузинского поэта-романтика и общественного деятеля Александра Чавчавадзе, изве-

стен лишь узкому кругу людей. Однако эта неординарная личность с интереснейшей биографией и сложной судьбой заслуживает особого внимания. Он родился в Англии и испытал все тяготы жизни в эмиграции.

Логическое мышление, образованность, тонкий вкус и аристократическое происхождение создали ему непререкаемый авторитет и уважение в американском обществе. Как отмечала в интервью с русским журналистом проживающая в Америке княгиня Бобринская, «удивительно, но в отношении происхождения Америка вовсе не демократическая страна, здесь очень любят и ценят представителей аристократического общества».

Генеалогия Давида Чавчавадзе поражает обилием королевских династий и выдающихся личностей. По материнской линии Давид был прямым потомком Николая I и королевских фамилий Дании, Греции и Англии, по отцовской – его генеалогия восходит к последнему грузинскому царю Георгию XII. В силу родства с императорской фамилией он был принят ассоциированным членом Объединения членов рода Романовых. Кратко об этой организации, объединяющей большинство представителей рода Романовых по всему миру. Организация была создана в 1979 году и зарегистрирована в Швейцарии. Первым главой Объединения был избран Дмитрий Александрович Романов (1979-1986). На встрече в Париже в 1991/92 гг. Объединение приняло историческое решение отказаться от каких-либо династических и материальных претензий к Российскому государству. Тогда же несколько представителей династии Романовых приняли решение о создании «Благотворительного Фонда Романовых для России». Великодушие благородных кровей восторжествовало над старыми обидами и болью, хотя они не были забыты, это и невозможно, но благородно прощены. В том же году Фондом Романо-

Давид Чавчавадзе

вых были проведены сотни благотворительных акций в детских домах, библиотеках, больницах, домах престарелых как в самой России, так и в странах бывшего Советского Союза.

Давид Чавчавадзе принадлежит к цинандальской ветви рода Чавчавадзе. История этой линии начинается с Александра Чавчавадзе, образованнейшего человека своего времени, прославленного генерала, выдающегося поэта-романтика и переводчика. Его стихи, написанные в анакреонтическом стиле, высоко оцениваются критикой и пользуются популярностью в народе. Некоторые источники ему приписывают историческое эссе «Краткий исторический источник Грузии и ее положение с 1801 по 1831 годы», представляющее несомненный интерес для историков.

Александр Чавчавадзе (1786-1846), фигура примечательная в грузинской литературе и в общественно-политической жизни Грузии и России, был сыном князя Гарсевана Чавчавадзе, полномочного представителя Картли-Кахетинского царства при Российском императорском дворе, и крестником Екатерины Великой.

Д. Чавчавадзе с кузиной

В 1813-1814 гг. он участвовал в Отечественной войне против Наполеона, служил адъютантом генерал-фельдмаршала Барклая де Толли, дошел до Парижа. За проявленную воинскую доблесть и храбрость был удостоен орденов и награжден золотой саблей. После окончания войны в звании генерала он покидает Санкт-Петербург и возвращается в Грузию, где очарованный европейской, в частности, французской культурой, начинает проект европеизации Грузии. Модельным объектом для этого выбирает Цинандали, вотчину отца, где строит усадьбу с использованием европейских архитектурных приемов и европейским интерьером, разбивает вокруг дворца великолепный английский сад, для чего выписывает растения и садовников из Англии, расширяет виноградники. Из Франции приглашает виноделов для постройки первого завода по производству вина по европейской технологии. Отсюда берет начало знаменитый сорт «Цинандали». Прекрасный

поэт и переводчик, доблестный генерал оказался прекрасным организатором, талантливым и успешным менеджером.

Усадьба в Цинандали превратилась в центр интеллектуальной и культурной жизни Грузии XIX века. Здесь собирались лучшие представители культуры и искусства, общественные деятели Грузии, России и Европы. Александр погиб в 1846 году 5 ноября в результате несчастного случая, и, к сожалению, многие его замыслы и планы остались нереализованными. Похоронен в Кахети, недалеко от Цинандали, в храме Рождества Богородицы монастыря Ахали Шуамта.

Александр был женат на Саломе Орбелиани. У них было четверо детей: три дочери – Нина (1812-1857), Екатерина (1816-1882), Софья (1833-1862) и сын Давид (1818-1884), генерал-лейтенант и флигель-адъютант российского императора. Нина стала женой гениального русского писателя Александра Грибоедова, а Екатерина вышла замуж за правителя Мингрелии – Дадияни.

Сын Александра Давид был женат на светлейшей княжне Анне Багратиони-Грузинской, внучке последнего грузинского царя Картли-Кахети Георгия XII, красотой которой восхищался великий Александр Дюма-отец.

В XIX веке участились набеги на грузинскую территорию, в частности, на Кахети северокавказских горцев под предводительством имама Шамиля. В этот период судьба обитателей замка в Цинандали была полна драматических событий. После очередного набега на Цинандали Шамиль поджег усадьбу князей Чавчавадзе и захватил в плен семью Давида. По пути в Дагестан в результате несчастного случая погибла малолетняя дочь Давида и Анны. Несмотря на то, что к пленникам в шамилевской резиденции относились с почтением, давая возможность свободного передвижения, жизнь в плену в горном селении тяготила обитателей цинандальского замка. Особую тревогу

вызывало состояние малолетних детей. Анне и ее сестре, привыкшим к активной культурной жизни, было тяжело смириться с жизнью в плену, где общение было ограничено Шамилем и его женами. Чтобы как-то занять себя, Анна делала зарисовки и оставила истории интересный портрет легендарного имама Шамиля. Только спустя 8 месяцев семью Давида удалось обменять на офицера российской армии, сына Шамиля. Обладая сильным характером и волей, вернувшись из плена, Анна активно принялась за восстановление цинандальского замка и воссоздание прежней творческой обстановки. С целью укрепления и защиты семьи свою юную дочь Мариам родители, несмотря на ее сопротивление, выдали замуж за генерала кавалерии Захария Чавчавадзе, представителя другой ветви этой фамилии, который был много старше нее. Старший сын Захария и Мариам Александр, названный в честь своего знаменитого деда, прославился, как и его отец, на военном поприще. Он был командиром черкесского конного полка, в составе т.н. «Дикой дивизии». В 1917 году ему по указу Временного правительства было присвоено звание генерал-майора. Александр женился на Марии Родзянко, фрейлине супруги императора, племяннице председателя российской Госдумы. У них было трое детей: Павел – писатель (отец Давида Чавчавадзе), Юрий – будущий известный пианист и Марина – будущая писательница. Спустя 18 лет их брак распался. Мария вторично вышла замуж за князя Трубецкого и вместе с детьми переехала в Англию. Александр остался в действующей армии и после революции вернулся в Грузию служить в армии независимой Грузинской демократической республики. До вторжения Красной армии в Грузию старший сын Павел не раз приезжал к отцу. В 1922 году Александр покинул военную службу и, женившись на Ольге Сухомлиной, переехал в Тбилиси. Трагичной оказалась их

судьба. Большевики не давали генералу покая, Александра несколько раз арестовывали. Дети трогательно заботились о нем и активно хлопотали, стараясь помочь отцу выехать. Его дочь Марина с помощью друзей активно пыталась выволить отца из большевистского плена, посылала деньги, готовила документы, вела переговоры, но все было напрасно. В феврале 1930 года прославленный генерал вместе с женой были расстреляны.

Старший сын Александра Павел (отец Давида) женился на Нине Романовой, дочери великого князя Георгия Михайловича Романова, правнучке императора Николая I. Мать Нины Мария – принцесса греческая и датская – была дочерью короля Греции Георга I, отец – великий князь Георгий Михайлович Романов, сын великого князя Михаила Романова, наместника императора на Кавказе.

Михаил Романов знал и высоко ценил грузинскую культуру, с его именем связаны дворцовый комплекс Ликани в Боржоми, проект оперного театра в Тбилиси и др. Отец Нины – великий

Мария, Нелл и Давид. 1954

Давид и Евгения Чавчавадзе

князь Георгий Михайлович был назначен управляющим Русским музеем в Петербурге, а в 1919 году вместе с братом Николаем, известным ученым-историком был расстрелян большевиками в Петропавловской крепости за принадлежность к императорской семье. Несмотря на старания Максима Горького спасти их, предотвратив казнь, Ленин не внял просьбам.

Нина Романова родилась в Боржоми, в дворцовом комплексе Ликани, построенном дедушкой Нины Михаилом Романовым по проекту Л. Бенуа. Впечатленные рассказами о необыкновенной преданности и любви юной красавицы Нины Чавчавадзе к своему супругу Александру Грибоедову великий князь Георгий Михайлович назвал в честь нее свою дочь Ниной (мать Давида Чавчавадзе).

В своей автобиографической книге Давид Чавчавадзе передает любопытную, почти мистическую историю знакомства и любви своих родителей. Первая их встреча, оказавшаяся судьбоносной, произошла в Риме в детском возрасте на благотворительном балу, где семилетний

Павел познакомился с пятилетней Ниной Романовой. Согласно этикету на балу право выбирать партнеров предоставлялось дамам, и пятилетняя Нина выбрала Павла. Прошли годы, отмеченные разными драматическими событиями: революция, расстрел царской семьи, гибель многих представителей аристократических семей, ближайших родственников. Судьба или Его величество Случай вновь пересекли их пути. Они вновь случайно встретились, чтобы больше никогда не расставаться. Нина и Павел эмигрировали в Европу. В Англии Павел окончил Кембриджский колледж св. Троицы (Trinity college), где подружился с будущим знаменитым писателем и, как многие признавали, научным гением в области зоологии (энтомологии) Владимиром Набоковым. После рождения сына, которого нарекли Давидом, семья Чавчавадзе переехала в Америку и поселилась в Нью-Йорке. Павел занимался литературной деятельностью, переводами книг с грузинского и русского на английский, в том числе перевел на английский язык вторую книгу Св. Аллилу-

евой «Только один год». Павел является автором оригинальных пяти книг.

Воспитанием сына в основном занималась русская няня. Давида отдали в закрытое военное учебное заведение, после окончания которого он поступил в престижный Йельский университет, где был членом студенческой капеллы Общества Орфея и Вакха. Он обладал отличными вокальными данными, прекрасно пел и сопровождал себя на гитаре, везде был душой компании.

В 1943 году Давид был призван в армию. Благодаря знанию нескольких языков и, в частности русского, его определили в военную разведку, где он заслужил чин лейтенанта. Давид Чавчавадзе во время войны как офицер связи участвовал в двусторонних переговорах, связанных с передачей военной помощи советской армии в рамках программы «Lendlease».

В послевоенные годы Давид служил переводчиком в Германии, но в 1950 году был срочно вызван в Вашингтон с приказом явиться в ЦРУ, где прослужил 25 лет. Об этом он написал в своей автобиографической книге «Ко-

Мико, сын автора

роны и шинели: русский принц на службе ЦРУ». Видно, все-таки его это несколько тяготило, но сознание того, что он может бороться с той силой, которая уничтожила близких ему по крови людей, царскую семью, деда, представителей аристократических семей, придавало ему решимость и силу. Выйдя в отставку в 1974 году, Давид поселился в Вашингтоне. Он пишет исторические и публицистические статьи, книги – «Великие князья», посвященную потомкам русских императоров, «Власовское движение» – о генерале Власове, автобиографическую книгу «Короны и шинели...», занимается литературными переводами, читает лекции в университете. Парадокс, но человек, который всю свою сознательную жизнь боролся против Советского Союза, одно время дружил со Светланой Аллилуевой и по ее просьбе редактировал ее знаменитые письма. Давид прожил интересную, полную волнений и опасностей жизнь, был непосредственным участником или очевидцем многих судьбоносных исторических событий XX века и свой опыт и знания отразил в своих произведениях. Его наиболее известная книга «Короны и шинели: русский принц на службе ЦРУ» была напечатана в 1996 году в Нью-Йорке на английском языке и скоро стала библиографической редкостью. В книге приводится генеалогия и биография автора и его знаменитых предков, неизвестные факты по истории Грузии и России. Книга богато иллюстрирована уникальными фотографиями из семейного архива и Библиотеки Конгресса. На прощанье в Вашингтоне Давид подарил мне ее с теплой дарственной надписью, подписав на английском, грузинском и русском языках. Он с детства воспитывался в англоязычной среде, и понятно, что его родным языком был английский. Русскому языку, русским песням и традициям его обучила русская няня, которую он всю жизнь вспоминал с нежностью и благодарностью. Грузинским

языком он не владел, лишь позднее выучил грузинский алфавит и очень этим гордился.

Давид приезжает в Грузию на свою историческую родину второй раз. Первый раз он посетил фамильное поместье в Цинандали в 1977 году вместе со своей старшей дочерью Марусей. Эта поездка очень впечатлила его, он почувствовал какую-то мистическую связь со своими предками. Его тронули внимание, любовь и радушие, которыми Давида окружили в Цинандали, приятно удивил сохранившийся исторический фон дворца. Интересно, как ему понравится обновленный дворец и парк?

Цинандали – красивейший уголок Кахети, часть культурной истории Грузии, обитель князей Чавчавадзе. Овеянная легендами, утопающая в зелени деревьев знаменитая усадьба, живописный сад с экзотическими деревьями, привезенными со всех концов света. Тут же винный завод, производящий отличные марочные вина. Особая аура и необыкновенный дурманящий аромат навевают воспоминания о былом величии дворца, его знаменитых обитателях и не менее известных посетителях – представителях грузинского и русского аристократического общества и интеллигенции – Бараташвили, Орбелиани, Романовы, Голицын, Воронцов-Дашковы, Лермонтов, Грибоедов, Трубецкой и др. Бывали здесь и прославленные представители европейской культуры, среди которых был знаменитый французский писатель Александр Дюма, восхищавшийся культурой Грузии и воспевавший красоту грузинских женщин.

Притягивает взор ласково манящая к себе знаменитая беседка из роскошных роз. Вот и извилистая причудливая аллея любви, где Александр Грибоедов впервые объяснился в любви юной красавице, княжне Нине Чавчавадзе. Идем по парку, все время ощущая чье-то невидимое присутствие. Какое-то наваждение. Возможно, это тени знаменитых обитателей не-

Медея Абашидзе, Давид Чавчавадзе и Мераб Кокочашвили. Цинандали

зримо сопровождают нас, приветствуя наше присутствие? Где-то здесь бродит и зловещая тень Шамиля, похитившего семью Чавчавадзе и поджегшего дворец в Цинандали. Сакральное пространство? Да, возможно, именно так. Проходим дальше мимо усадьбы через зеленый лабиринт и загадываем желание. Согласно преданию, если не запутаешься и легко одолеешь затейливый лабиринт, то загаданное желание непременно исполнится. Неподалеку в саду правительственные дачи – гостиница, в прошлом помещение для гостей. Вхожу в имение: после реставрации здесь все радикально изменилось, просторная зала, современное решение пространства, легкие перегородки, мебель, много стекла, подвал, дегустационный зал, легкие закуски, приглушенный гул посетителей, осматривающих здание после ремонта. Усадьба давно требовала ремонта, уникальная мебель – реставрации, а первый в Грузии рояль, привезенный князем из Европы, – основательной настройки. Здесь, в этом зале, некогда собирался весь цвет интеллигенции, утонченной аристократии, здесь Александр Грибоедов впервые читал главы

из своей гениальной комедии «Горе от ума». Организаторы постарались создать праздничное настроение, воссоздать былой дух, концерт под открытым небом был на уровне, сладости, национальные угощения, красиво и живописно разложенные в саду на срубленных деревьях, искусно имитируют декоративные орнаменты. Перед импровизированной сценой встречаем Давида Чавчавадзе с супругой. Радостная, теплая встреча с грустным оттенком. За эти годы он заметно сдал, постепенно теряет зрение и борется с целым комплексом недугов, характерных для его возраста. К тому же многочасовой перелет его заметно утомил, хотя старается не показывать свою усталость и стойко выдерживает всю программу мероприятий. Чувствовал, что это его последняя поездка в Грузию. Несмотря на недомогание, все же решился ехать. Зов земли (хотя он родился в Англии) или особенности генетического кода подвигли его на эту поездку? Поговорили, вспомнили общих знакомых, договорились о встрече, обсудили новый интерьер дворца, оценили искусство выступающих артистов. Несмотря на красоту и праздничность обста-

новки, осталось щемящее чувство, что современный интерьер вытеснил дух той незабываемой обстановки прошлого, который царил в этой знаменитой усадьбе, исчезла особая аура этого уникального памятника культуры. Об этом с грустью говорит и Давид Чавчавадзе, законный наследник имения. Неужели прошлое безвозвратно исчезает и время беспощадно стирает все грани прошлого, и его невозможно реставрировать, а, может, кто-то скажет, что и не нужно? Правда, «куда оно девается – ушедшее время»? На этот вопрос может лучше ответить словами Святого Августина: «Прошлое живет в воспоминаниях, Настоящее в действии, а Будущее в воображении». Так воскресите же бережно и уважительно прошлое в памяти, в воспоминаниях и наполните их соответствующим действием, разбудите воображение. История не исчезает, ее надо беречь, хранить для будущих поколений, она жива, пока живы люди, разумные существа.

Читайте, изучайте, гордитесь своей историей и своими именитыми предками.

Пеле

ГОД МЕЧТАНИЙ

■ Ален ФОНТАН

Перевел с французского Александр Калантаров

Каждый человек может вспомнить год своей жизни, когда все ему улыбается и все удается. Для Пеле таким годом был 1958-й. Звезды в тот год способствовали его успеху.

В 1958 году Пеле доминировал на чемпионате штата Сан-Паулу, забив 58 мячей — рекорд и по сей день непревзойденный, — а затем во всем блеске мастерства проявил себя на чемпионате мира. Стоит ли напоминать читателю, что во время только двух последних матчей (естественно, самых трудных) против Франции (в полуфинале) и Швеции (в финале) этот 17-летний парнишка забил 5 мячей?

Все говорили только о нем, и даже «Пари-Матч» посвятил ему репортаж.

Это было нелегким предприятием. Для чемпионов полное счастье, море цветов, ведущих к успеху, существует лишь в мечтах. Чтобы добиться такого успеха, он должен был жестко сражаться и никогда не терять своего хладнокровия.

И его сила воли была вознаграждена. Когда Пеле вместе с тридцатью другими игроками ввели в состав сборной, его прилежание и безупречная дисциплинированность произвели весьма благоприятное впечатление на техническую комиссию. Не принимая во внимание свой исключительный дар, молодой

Пеле весьма серьезно относился к тренировкам.

В Рио, в старом госпитале-Санта-Каза-де-ля-Мизерикорда, более 40 врачей под руководством доктора Гослинга приступили к самому монументальному в истории спорта обследованию спортсмена. Не обошли вниманием и подсознание, используя тесты доктора Карвалаеса. Эдсон Арантес до Насименто, прозванный Пеле, весил 67 кг 400, был ростом 1,69 м. — настоящий легковес...

Подготовительный период начался с дезинтоксикации внутри страны, в Посос-де-Кальдас. Для префекта это был самый памятный день. Он готовился к нему шесть месяцев. Устроившись на эстраде, возведенной на главной площади, он с большой помпой произнес замечательную речь: «Наш город, такой гостеприимный и такой прекрасный, с гордостью принимает... (кто знает, может быть, будущих чемпионов мира?), являясь первой ступенькой этого восхождения, ведущего к вершине...».

— А твоя сестра? — раздался голос в задних рядах.

Послышались смешки.

— Повернись быстро, Пеле. Наконец-то появился болельщик, который узнал тебя, — прошептал Диди. Старые участники международных встреч не имеют возможности часто встречаться в

наших краях.

Пеле улыбнулся. Диди был приветлив, и он его очень любил. Кто-то просил будущего тренера Перу дать автограф, протягивая ему спортивные журналы, записные книжки, а кто-то пытался всеми способами приблизиться к нему и тронуть за руку. Это было чистой воды поклонение. Диди с видом восточного принца, прибывшего в свою летнюю резиденцию, находил это вполне естественным. Префект продолжал свою речь, но никто его больше не слушал. Торжества были в самом разгаре. «В этом секторе очень красивые девушки», — слышался за спиной Пеле чей-то шепот. Как бы шокированный такой дерзостью, префект закончил свою речь. Уф! Покидали площадь, сопровождаемые роем мальчишек, которые неслись во весь дух в туче пыли, поднятой автобусом.

В Палас-отеле Пеле сказали, что в качестве компаньона в номер гостиницы к нему подселили Маццолу-Альтафини (война Милан-Сантон еще не была объявлена).

Акт 1, сцена 1 этого чемпионата мира. Насименто, Супервизор и его помощник объявили распорядок дня: подъем в 7.30; завтрак в 8 часов; до 11 часов медпроцедуры и массаж; в полдень: полдник; с 13 по 18 ч.: свободное время; 19 ч. — ужин; 22.30 — отбой.

Пришло время длинных футингов на продуваемых ветром дорогах. Пеле обожал бегать в толпе этих беспечных взрослых детей, которые смеялись и шалили дни напролет. Он чувствовал себя в полной «форме» и мог бы бегать 3 часа кряду каждый день по дорогам, продуваемым свежим ветром от холма к холму.

А вскоре и свободное время пропало. Перешли к более серьезным делам. К счастью, ибо отдых и сиеста добавили килограмм к весу Пеле, которому Гарринча дал кличку «Чита». Пауло Амарал, лысый тренер, который впоследствии будет тренировать «Ювентус», затем «Флуминенсе», руководил физической подготовкой, и каждый в Бразилии знал, что под этим подразумевалось: бег, прыжки и упражнения до тех пор, пока ребята чуть ли не падали с ног от усталости.

Начались отборочные матчи. Пеле играл с титулованными игроками рядом с Диди и Нильтоном Сантосом. Пеле поставили в резерв. Упавшим голосом Феола весь день без устали повторял журналистам: «У нас нет ни титулованных, ни резервистов, а есть только члены сборной, озабоченные одной мыслью – привезти кубок Мира». Но Пеле об этом мало думал. В Араксе прославился полусредний нападающий Фламенго Моасир (с рыбьим лицом), и многие его уже видели на месте Диди... Последний, невозмутимо и благодушно настроенный, обронил свою знаменитую фразу:

– Treino e treino, jogo e jogo (тренировка – это тренировка, а матч – это матч). Эта формула Диди часто повторялась, чтобы объяснить, что такое выходной день (off-day).

Первая серьезная встреча этой кампании-58 состоялась на стадионе Маракана против команды Уругвая. Пеле и его друг Зито, сидевшие на скамье запасных, изо всех сил подбадривали своих товарищей, выступавших свободно и без проблем. После первого тайма они уже вели в счете – 3:0. Диди в центре поля руководил спектаклем.

Спустя короткое время после начала второй половины игры Дида, центральный защитник Фламенго, получил травму. Доктор Марио Америко рванулся к нему через все поле, даже не получив разрешения арбитра. Ему не пришлось воспользоваться таинственными пузырьками, расованными по кармашкам его пояса. Он наклонился к травмированному, встал и дважды скрестил руки перед своим лицом. Конец, финиш! И под возгласы «браво» торсиды Дида увели в раздевалку.

Пеле его заменил. Его переполняли радостные чувства: ему хотелось петь, пока он, приплясывая, разогревался. Он не понимал, почему некоторые игроки опасались быть призванными под знамена сборной? Эти пессимисты боялись растерять свою дешевую популярность... Борьба разгорелась с новой силой. Парагвайцы, которых уже посчитали проигравшими, взвинтили темп. Беллини сбил одного из них... Но Диди вел себя, как на параде,

играя в паре с Дино Сани, (вчерашняя звезда Милана, а сегодня тренер молодежной сборной Бразилии).

И в этот момент наступила та фаза игры, которая воодушевила Феолу. Разыгрывался угловой в пользу «канареек». Вава расслабился и послал головой мощный удар в перекладину ворот противника. Никто не шевельнулся. Никто... кроме Пеле. Когда мяч вернулся в поле Пеле был тут как тут, в «6 ярдах» от ворот и отправил мяч в сетку.

– Фантастика, – улыбнулся Феола, и его отвислые щеки задрожали. – Можно подумать, что Пеле разгадал точную траекторию мяча и предугадал его отскок от перекладины. Все игроки решили, что мяч пролетит либо над перекладиной, либо влетит в ворота, и не сдвинулись с места, но он видел мяч точно на перекладине и устремился вперед, чтобы забить гол. Это – фантастика! И Феола с видом довольного жизнью будды скрестил руки на своем брешке.

В этот день можно было отметить исключительную интуицию, инстинкт на гол, которым обладал Пеле. Во время атаки с левого края (хотя он находился в выгодном положении) Пеле крикнул «Shoot!»..., и Загало пробил по воротам – 5:1.

Традиционный реванш в Показамбу Сан-Пауло. Явное пристрастие публики к местным игрокам привело к тому, что сборную освистали. К примеру, как можно было ставить Загало на левый край, в то время, как Канхотейро и Пеле прохлаждались на скамейке запасных? А Диди, а тот, а этот?

Снова оказавшись на скамейке запасных, Пеле плохо понимал все эти манипуляции. В конце концов, разве все они не были бразильцами? Сразу стало ясно, что Гваранис казались озабоченными прежде всего тем, чтобы не проиграть до возвращения в Асунсион. Это была сухая игра. Загало пострадал в стычке, Диди получил удар, и их заменили Канхотейро и Моасир. *Vox populi, vox dei* (Голос народа, голос бога)... Однако атака, построенная таким образом, застопорилась, а когда встреча подошла к концу, счет так и не был открыт, и смущенные игроки сборной, повесив

нос, возвращались в раздевалку под улюлюканье зрителей.

По возвращении в Рио игроки впервые остановились в гостинице Пайнерас-Корковадо, которая возвышалась над заливом, всего в двух шагах от знаменитого памятника Христу. Возобновились тренировки и старая традиция проведения матчей «желтые против голубых», во время которых никто никому не делал подарков. Наконец, была запланирована встреча с Фламенго. На этот раз зрители могли увидеть то, что собирались увидеть!.. Оживленная толпа болельщиков, более беспокойная, чем обычно, пришла посмотреть, как укротитель отдаст себя на съедение. Для большинства было ясно, что Фламенго преподает хороший урок этим претенциозным игрокам сборной. К великой радости публики!

Время шло. Намеревается ли, наконец, команда Феолы собраться с духом и обрести спокойствие? Надо полагать, если вспомнить игру с болгарами, неофициальным своим спаринг-партнером. Сборная забила 4 мяча, но удивительно то, что Пеле не забил ни одного.

Ко второму выступлению в Сан-Пауло перемены, конечно же, были налицо. На тяжелом поле болгары внесли смятение в защитные линии зелено-золотых. Высокий Диев даже открыл счет. Но во второй половине игры Пеле дважды поразил ворота болгар, и его команда победила со счетом 2:1. Эти голы позволили ему занять свое место в сборной, открыв ему дорогу в Швецию.

Но почему так должно было случиться, чтобы перед отъездом, во время последней встречи с Коринтиасом, его «подковали» и вывели из игры? Он без конца смотрел на свое распухшее колено и задавался вопросом, не является ли такое невезение наследственным?

Несмотря ни на что, – а лечение уже началось, – Пеле в составе делегации вылетел в Италию. Эта итальянская кампания, которая принесла счастье и удачу будущему Альтафини, не позволила ему играть. Вопрос даже не стоял о том, чтобы привести его в «порядок» к первым матчам больших соревнований: его колено не переставало болеть.

Но бразильская команда

Решающий гол

играла плохо, а в атаке не хватало остроты. Диди и хитрый Вальдир Перейра понимали это и организовали нечто вроде совета маститых игроков, чтобы ускорить возвращение Пеле в состав сборной.

Не вполне выздоровев, Пеле в возрасте 17 лет вернулся в строй и выступил против русских. Своенравный Гарринча составил ему компанию на правом фланге. Вдвоем они организовали такой карнавал молодых черных демонов в советской защите, что даже класс Яшина оказался недостаточным – 2:0.

Следующая игра была с командой Уэльса, которая ушла в глухую защиту – стена. Наши регбисты знают о ней не понаслышке. Но Пеле удалось прорваться через лес ног противника и забить победный гол, который, по его словам, был самым важным в его карьере.

Затем – встреча с Францией. Атмосфера накалилась до предела. В отношении нашей команды даже шведы не скрывали своих симпатий. Бразилия стремительно начала игру, и Вава забил свой гол. Фонтэн сравнял счет, но Вава (и снова он!) покалечил Жонке. Истерзанная и разъяренная наша защита билась изо всех сил, решив стоять до последнего. Увы! До перерыва мощный удар Диди застал врасплох Аббеса. Бразилия неукротимо рвалась вперед. Пеле, который до той поры отсиживался на скамейке запасных, тоже вступил в бой. И он трижды, проявив хладнокровие и своенравность, которые доселе не наблюдались у молодых игроков, поразил ворота французов. Благодаря левому крайнему Пиантони, счет не казался слишком уж разгромным – 5:2.

В финале маленький эйфоричный и незаметный Пеле снова проявил себя: он забил два мяча в ворота Швеции на глазах «все-го оцепеневшего Стокгольма».

Благодаря этим новым пяти блистательным голам, Бразилию уже считали чемпионом мира. Огромные народные манифестации состоялись там, под Южным Крестом. Бразильцы дожидались этого дня 28 лет. (Розыгрыш первого Кубка Мира состоялся в 1930 году).

С этого дня, Пеле, ставшего национальным героем, включали в каждый состав сборной страны. А отъезд Диди в Испанию сделал Пеле игроком №1 бразильского нападения.

Параллельно с этой эпохой бразильского превосходства в футболе Сантос стал называться Pele Football Club (Футбольный Клуб Пеле). Удивительный класс игры молодого негра утвердился в команде и в соревнованиях, которые можно рассматривать, как самые изнурительные – чемпионат Штата Сан-Пауло. Два матча в неделю (в районе вдвое больше, чем Франция), один из которых проводится в нездоровой атмосфере фанатичных болельщиков, «на полях, где гости не выигрывают».

Сантос и Бразилия, по большей части благодаря этой светлой личности, вот уже 4 года бесспорно занимают лидирующее место в международной таблице о рангах. Это продолжалось вплоть до 1962 года, когда перед чилийскими испытаниями все было под вопросом. И снова нужно было бороться, и все начинать с нуля.

Бразилия представила сборную команду, близкую к составу 1958 года, другими словами, зна-

чительно постаревшую. Игроки бегали меньше, чем в прошлые годы. Но Пеле был в составе команды и принимал решение. В высоких сферах бразильского футбола справедливо рассчитывали на его исключительно высокий класс, чтобы с его помощью расшатать оборону команды противника и вывести ее из равновесия. Что и произошло на встрече с мексиканцами в Винадель Мар. Чертовы ребята, эти мексиканцы! Их команда, сколоченная вокруг старого и надежного вратаря Карбахала, имеет привычку бегать и сражаться полтора часа подряд.

Бразильский механизм разладился. Пеле чувствовал, что его товарищи по команде не собраны и страшно скованы в самом начале этой драмы в 6 актах, имя которой чемпионат мира. Ибо, если команда постарела, то не существует возраста для уверток.

Из-за этого среднего возраста (31 год) команда подверглась сильной критике в специальной прессе страны. Эти упреки вселили неуверенность в самих игроков, которая налила свинцом их ноги. Они неуклюже бегали и бестолково толкались на поле, растеряв чудесную взаимосвязь между игроками той команды, которая блистала на шведском чемпионате. Пеле, этот 22-летний ветеран, мягко и тактично подбадривал своих.

Мексиканцы, лишённые комплексов, яростно атаковали. Первая половина игры была тягостной, а затем все мало-помалу налажилось. Загало, этот профессор от футбола, головой забил первый гол. Тем не менее, мексиканцы не опустили руки. Пеле почувствовал, что ситуация становится опасной и что необходимо увеличить преимущество. Он начал атаку издали (как он это обычно делал), со всей скоростью ворвался в ряды мексиканцев, прошел дриблингом защитные линии противника и забил несравненной красоты второй гол. На другой стороне южноамериканского континента, омываемого Атлантическим океаном, 70 миллионов бразильцев вздохнули спокойно. Пеле в очередной раз вернул им радость жизни.

Зураб Соткилава

ОН ОСТАВИЛ НАМ СВОЙ ДИВНЫЙ ГОЛОС И – ЧАСТИЦУ ДУШИ

■ Ирина ШЕЛИЯ

Почитатели вокального искусства со слезами на глазах попрощались с выдающимся певцом и добрейшим человеком Зурабом Соткилава.

Что – публично неизвестного – можно сказать о многолетнем ведущем солисте Большого театра, чей изумительный голос успел прозвучать во всех самых известных оперных театрах мира?

Когда уходит из жизни столь значительный деятель искусства, слушатели, зрители, соприкоснувшиеся с его творчеством, вспоминают что-то особо зацепившее их душу. И зачастую у многих возникает соблазн – вполне простительный – рассказать нечто, повествующее о личном, дружеском пересечении с ним. Я не могу похвастать особо близким личным знакомством с Зурабом Соткилава – оно было шапочным. На уровне по-мегрельски с улыбкой задаваемого им вопроса: «Мучо рек?», на который я, усердно выговаривая слова на его и моих предков родном языке, исправно отвечала: «Гвале джгиро». Не уверена, что он вообще помнил, кто я и как меня зовут. Просто одно из множества знакомых лиц, время от времени попадающих в

его поле зрения в местах скопления представителей грузинской культуры. Но пару-тройку трогательных эпизодов, наверное, могу с грустью в душе рассказать только я...

В Тбилиси, на Боржомской улице – что аккурат напротив некогда прославленной киностудии «Грузия-фильм» – стоит добротный дореволюционной постройки серо-белый дом, когда-то принадлежавший аристократическому роду Церцвадзе. В этом доме, в большой дворянской семье росла звонкоголосая, веселая девочка Нина. Гордый ее красивым голосом, отец отправил Нину учиться вокалу во всемирно известную Миланскую консерваторию. На родине – в Грузии были смутные годы советизации. И юная певица решила остаться жить в солнечной стране, пронизанной волшебством музыкального Олимпа. Карьера Нины Церцвадзе была головокружительной – Нина стала дивой легендарной «Ла Скала». Вышла замуж. Родила дочь. Позднее, завершив сценическую деятельность, синьора Нина стала профессором Миланской и других европейских консерваторий...

Увы, жизнь хоть и банально

однообразна, но «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». В весьма почтенном возрасте синьора Нина осталась одна с подросшей дочерью. Ее навязчивой идеей стало решение вернуться в Грузию – там ведь у нее остался настоящий, свой, родной дом. Наивная европейка! Дом на Боржомской улице давно был национализирован советской властью. И в нем разместилось несколько десятков коммунальных квартир – этого кошмарного совкового ноу-хау. Одна – справедливости ради надо сказать – большая и светлая комната досталась и дочери бывших хозяев. Яркой звезде «Ла Скала», профессору известных всему миру консерваторий. Но в эсэсэсэр ее статус и звания, как говорится, «не прокатывали». Зато в комнате вполне уместались концертный рояль и профессиональный оптимизм синьоры Нины. Аккомпанируя своим частным ученикам и ставя им голос, она худо-бедно зарабатывала на жизнь – на свою и взрослой дочери, синьорины Марии Грации...

В потоке жизнеописаний Зураба Соткилава среди воспитавших его как певца педагогов вокала мне никогда не попадалось имя Нины Церцвадзе. Известно, что он занимался пением у профессора Тбилисской консерватории Николая Бокучава, на третьем курсе консерватории попал в класс выдающегося грузинского драматического тенора и педагога Давида Андгуладзе. Но я доподлинно знаю, что именно Нина Церцвадзе первая по достоинству оценила его голос и стала первым серьезным его педагогом вокала.

...В комнату на Боржомской меня привела моя бабушка, в юности дружившая с семьей Церцвадзе. Мария Грация была старше меня. Но одинокая, растерявшаяся от «прелестей» жизни на социалистической родине своей мамы, прикипела ко мне душой. И не зная толком ни грузинского, ни русского язы-

ков, стала учить меня итальянскому. Не будучи тогда еще педагогом, не ведая, как учить, она придумала оригинальный способ – начала вдалбливать в меня... тексты оперных арий. Из репертуара своей мамы и других вокалистов из итальянского окружения их семьи.

По какой-то загадочной причине мне лучше всего давались мужские теноровые партии. Петь я никогда не умела. И не пыталась. Но с чувством продекламировать арии Хосе и Каварадосси легко могу и сейчас.

И вот однажды, спеша к Марии Грации за очередной арией, проходя по длинному коридору многокомнатной коммуналки, я услышала дивный тенор, во всю мощь своих здоровых легких выводящий рулады того самого Каварадосси. Невидимый певец нещадно коверкал уже хорошо мне знакомые слова знаменитой арии: «Элюр, ляри эстель, элюче ди лорпо.... ми кадеа ралебранча» – такие примерно слова доносились до меня все громче и громче. Я застыла в изумлении на пороге полуоткрытой двери – каким же божественным голосом все это было озвучено!

Мое появление было встречено радостно всеми: оказалось, мама с дочкой тщетно пытались написать шпаргалку для

В гримерке

новоявленного Карузо – итальянский текст арии крупными грузинскими буквами. Задача для них оказалась практически невыполнимой. Меня быстренько усадили за стол универсального предназначения – начертать своеобразную суфлерскую афишку. А возле рояля, смиренным педагогом, стоял крепенький увалень, не знавший, куда себя деть в этом «святилище, где сон и фимиам». Его можно было органичнее представить в роли спортсмена, нежели героя «Риголетто», «Тоски» или «Богемы».

Откуда мне тогда было знать, что ощущения мои имели под собой реальную основу: с шестнадцати лет Зураб играл в футбол в сухумском «Динамо», позже стал капитаном сборной Грузии футболистов до двадцати лет, в составе которой выиграл первенство СССР, в 1955 году попал в основной состав тбилисского «Динамо». Некоторое время Зурабу приходилось выискивать для занятий вокалом время между бесконечными напряженными тренировками и матчами. Неудержимая любовь к музыке одержала верх над страстью к футболу, но последний остался, как говорят итальянцы, «во внутреннем кармане пиджака» – под сердцем.

Наблюдать, как темпераментно и остроумно синьора Нина шлифует, ограничивает бриллиантовый голос неуклюжего футболиста, стремясь привить ему и «паркетное» изящество манер, оказалось так забавно и интересно, что я стала всячески изощряться, чтобы наносить визиты к Церцвадзе во время этих занятий.

Да и кто устоял бы перед шансом увидеть такую, к примеру, сценку: за роялем исполненная величавости пышная гран-дама с иссиня-черными, гладко зализанными волосами, собранными на затылке в огромный пучок, а рядом с ней топчется на месте бедный Зураб, изо всех сил старавшийся изобразить грацию оперного

премьера. Бледнеющий от одного голоса эмоциональной наставницы, густым, чувственным меццо-сопрано обволакивающей слишком тесное для него пространство коммуналки. «Молодой человек!» – певучая нежность голоса Нины смягчала, растопляла и без того надуманную строгость ее слов: «Ваш голос, может, и должен украсить сцену «Ла Скала»! Надо лететь вслед за ним легко и изящно! А вы?!..». И мучительно вспоминая забытое звучание параллельно всплывающих слов, обескураженная от дисгармонии сочетания своего красивого голоса со смыслом неудержимо срывающихся с языка слов, синьора-калбатони пропеваает под аккомпанемент смеха всех присутствующих, включая Зураба: «Вы двигаетесь как...ля-ля-ля... – ну, где же это слово? Как этот – муж коровы!!!» Годы спустя, уже студенткой журфака, я попыталась живописать картинку этого колоритного творческого альянса в рамках задания по жанру «Очерк». Он был так раскритикован дамой, ведущей семинар, что я чуть не вылетела из Тбилисского университета. Как было сурово отмечено – за слишком фривольное обращение с первичным материалом. Плюс – политически не выдерживавшее никакой критики «крамольное» предложение уничтожить полосатые пограничные столбы – хотя бы для творчества талантливых людей. Чтобы они знали друг о друге. Слышали друг друга. Взаимно обогащались в единстве творческого горения.

Шли годы. Голос Зураба Сокилава услышали и полюбили миллионы жителей планеты Земля. За красоту и щедрость дара. За высокое благородство истинно грузинской певучести, тепла и радости бытия. Его голос и душа были искренни, добры к миру и к людям. Все последние печальные недели память то и дело возвращается к майскому дню двадцатилетней давности. Грустная история начала угасания веры,

надежды и любви. Невидимое, неопознанное еще в тот день предощущение конца на самом пике счастья. Счастья ожидаемого успеха и веры в себя, подаренные голосом Зураба Соткилава и теплом его широкой души.

...В Большом театре, как и во всех других зрелищных заведениях, понедельник – традиционно выходной день. Ни спектаклей, ни репетиций. В первый день недели в театрах пусто. И чем теплее и солнечнее на дворе, тем меньше вероятность встретить в пустых залах хоть одну ненароком забредшую сюда душу.

В тот майский понедельник вековая эта традиция, казалось, была нарушена. То из одного репетиционного зала блеснет вдруг ярко вспыхнувшая полоска света, то откуда-то издали глухо зазвучит отрывок знакомой музыкальной фразы. И даже на сцене зрительного зала – на магической, легендарной сцене, осязание которой навеки остается на кончиках пальцев каждого ступившего на ее чуть покатуя гладь – даже на этой «святой святых» брезжил тусклый свет боковых юпитеров. Объяснение неожиданному оживлению здания на Театральной площади в понедельник оказалось простым и понятным – близился час большого концерта выпускников хореографического училища Большого театра, именуемого в то время МАХУ. И параллельно шла подготовка к конкурсу молодых исполнителей в Перми...

На сцене в замкнутом круге призрачного приглушенного света в некотором замешательстве стояли двое, пытаясь справиться со «взбесившимся» магнитофоном, который вдруг громко взывал несколькими тактами па-де-де из «Корсара», то истошно хрипел, словно какой-то злой дух пытался убить дивную музыку Адана. Вглядевшись в эту странную сценку, легко можно было узнать в не по возрасту стройной подтянутой фигуре одного из лучших

премьеров за всю историю балета Большого театра. А рядом взирала на наставника, как на чудом спустившееся к ней божество, неизвестная девчушка лет пятнадцати в репетиционной пачке. «Сейчас наладим эту керосинку и пройдем твою вариацию», – добрым голосом утешал расстроенную девочку балетный небожитель. В ответ «керосинка» заглохла окончательно и бесповоротно...

Внезапно что-то загрохотало за тяжелой портьерой, из-за левой кулисы с ворчаньем выплыла на сцену крупная, точно – не балетная, фигура в темном балахоне. «Что тут у вас происходит?» – прорычал явившийся «призрак». И тут же радостно захохотал, узнав друга, воющего с магнитофоном. Обнявшись и расцеловавшись, два премьера – балетный и оперный – похоже, настроились на долгую беседу. Если бы не раздался жалобный писк: «Я тогда пойду, наверное!»

Увидев расстроенное лицо девчушки, Зураб Соткилава – а этот «призрак», как вы уже, конечно, догадались, им и был, – поинтересовался, что она тут делает. Узнал подробности о том, каким чудом для нее, ученицы МАХУ, была случайно выпавшая возможность стать партнершей молодого танцора Большого театра для участия в престижном конкурсе, о том, как мало времени осталось, а «ее Корсар» сегодня приболел, не пришел на репетицию, к тому же магнитофон приказал долго жить... Услышав этот монолог, Зураб Лаврентьевич был расстроган до глубины души. Недолго думая, воскликнул бодрим голосом: «Подумаешь, беда – партнер заболел, магнитофон сдох. А мы чем хуже них? Давайте быстро, как там у вас это называется? А, да – в первую позицию! Начали!». И загремел во всю мощь его дивный голос. Он пел асаpella и без слов, пел от всей души, выкладываясь, как на ответственном концерте. То был не «Корсар». Была мелодия па-де-де из «Жизели»

Прощание с публикой

– оно понятно, ведь друг Зураба был лучшим Принцем этого балета всех времен.

Ни до, ни после, никогда более я не видела такого жгучего, всепоглощающего счастья в широко, на пол-лица распахнутых синих глазах той девчушки...

Порой мне хотелось поближе познакомиться с Зурабом Соткилава и напомнить ему эту маленькую и так много о его щедрой душе свидетельствующую историю. Не сложилось. Не успела. Может, и к лучшему. Ведь тогда пришлось бы поведать ему и о грустном ее продолжении. А в нем, в этом продолжении, сокрыто столько темного из театрального закулисья... Был момент, когда гений зла коридоров Большого пытался втянуть Зураба, искренне доверявшего людям, в свои мутные игры. Однако не получилось. Не могло такого случиться. Зло никогда не касалось этого светлого человека, было неспособно даже приблизиться к нему.

Зураб Соткилава был Богом избранный человек великого таланта и всепобеждающей любви. Нам остался его голос. Чистый. Красивый. Любящий. На все времена. И – частица его души.

Валентин Никитин. 2017

ПРОЩАНИЕ С ВАЛЕНТИНОМ НИКИТИНЫМ

Институт грузинской литературы им. Шота Руставели с глубоким прискорбием извещает о кончине выдающегося русского поэта, литературоведа, религиоведа и теолога Валентина Арсентьевича Никитина. Его смерть в Грузии была глубоко символичной: Грузия с юности была второй – любимой – родиной Валентина Никитина. Он не только любил грузин и грузинскую культуру, но понимал боль и нужды грузинского народа, разделял его интересы и был стойким приверженцем территориальной целостности страны.

Особое уважение и любовь связывали Валентина Никитина с грузинской Церковью. Это и личное человеческое общение, и не один труд, посвященный истории грузинской Церкви. Будучи блестящим знатоком истории религии в Грузии и большим другом грузинской Церкви, он перевел и сделал доступными для русского читателя как труды грузинских авторов духовного звания, так и многие литературные тексты.

Валентин Никитин многое сделал для грузинской культуры. Его перу принадлежат прекрасные стихи о Грузии, которые золотыми буквами будут вписаны в современную историю грузинской и русской литератур. Он был поэтом тончай-

ших чувств и глубоких переживаний, творцом, наделенным даром мистических прозрений, способным видеть то, что недоступно невооруженному глазу. Возможно, поэтому его последнее путешествие в Грузию и оказалось столь символичным: Валентин Никитин приехал отдать дань уважения великому грузинскому поэту-романтику Николозу Бараташвили и прочел действительно великолепный доклад о его поэзии...

Рожденный в Грузии, скончался в Грузии. Мир праху его...

Его поэзия последнего времени, бесспорно, была проникнута предчувствием смерти. Поэта как будто влекло к безвременно погибшей дочери Марии, и это стремление оказалось судьбоносным.

Коллектив Института грузинской литературы,

все участники юбилейного международного научного симпозиума, посвященного Николозу Бараташвили, потрясены случившимся и выражают соболезнование семье покойного, а также двум странам – Грузии и России, утратившим истинного патриота, православного христианина и просто безмерно благородного человека, бывшего украшением культуры и общества обеих стран.

Ирма Ратиани

Профессор, директор Института грузинской литературы им. Шота Руставели

МКПС «Русский клуб» и редакция журнала «Русский клуб» выражают глубокие соболезнования семье Валентина Никитина.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ი ვ ი ლ ი

К 870-летию *Москвы*

МОСКВА ПРАЗДНУЕТ
ДЕНЬ ГОРОДА

